

Виталий Глухов

НОВАЯ ИСТОРИЯ
ГОРОДА ЧУХАНСКА

Однажды в городе

Виталий Глухов

**Новая история города
Чуханска. Однажды в городе**

«Издательские решения»

Глухов В. И.

Новая история города Чуханска. Однажды в городе /
В. И. Глухов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830228-2

Историко-литературный роман с элементами философского осмысления периода реформ в России. В данной работе я попытался соединить три направления в литературе — это роман как таковой, философское осмысление и толкование происходящих событий на фактах реальных событий. Читатель получит не просто очередную книгу по истории с сухими цифрами и фактами, а художественное отражение эпохи с живыми героями, проживающими в конкретных исторических условиях.

ISBN 978-5-44-830228-2

© Глухов В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Степан Кочергин	6
Глава 2. Великое банное сидение	13
Глава 3. Судный день	16
Глава 4. На пути к успеху	21
Глава 5. Время великих перемен	33
Глава 6. Шаги на ниве созидания	42
Глава 7. Смерть Ступорова	48
Глава 8. Принцип осуществления власти	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Новая история города Чуханска Однажды в городе Виталий Иванович Глухов

*Эта книга посвящается борцам за чуханскую демократию,
павшим в неравной борьбе с душителями и угнетателями народа*

*«Есть в России город Луга
Петербургского округа.
Хуже не было б сего
Городишка на примете,
Если б не было на свете»*

*А.С Пушкин
Г. Чуханска моего.*

© Виталий Иванович Глухов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Степан Кочергин

Степан Кочергин сквозь сон услышал откуда-то раздающийся звон. Но он все никак не мог проснуться. Наконец, он понял, что кто-то звонит в дверь. Встать было неохота. Почему-то тупо ныл правый бок. Все же он собрался с силами и открыл глаза. А звонок все звонит и звонит. Степан встал с постели и, чертыхаясь, двинулся к двери.

Посмотрев в глазок, он увидел своего двоюродного брата Федора. Открыв дверь, сразу же спросил:

– Федор, ты почему не на работе?

– Сегодня же выходной!

– Тьфу, черт, совсем запутался... , счет дням потерял. Ну, проходи на кухню, завари чай, а я пока ополоснусь.

Встав под душ, Степан припомнил события прошедших двух дней. Они были не лучше и не хуже, чем остальные дни в последние полгода – такие же серые, путаные и безрадостные. Вот уже полгода у него не было постоянной работы. Он брался то за одно занятие, то за другое, общался со случайными, неинтересными людьми. Казалось, что все скопившиеся за всю жизнь неприятности свалились на его голову в одночасье.

Вот и вчера он встретил Подпевалова, с которым вместе работал в газете. Выпили. Слово по слову, и он снова сорвался, обозвал его подонком, последним подлецом и сволочью, припомнив ему участие в своем увольнении. А возвращаясь домой, как назло, столкнулся нос к носу с ментами из вытрезвителя. Под утро с пустыми карманами, тяжелой головой и намятыми боками он оказался на улице, сопровождаемый советом устроиться на более подходящую работу.

«А все-таки Подпевалов сволочь! Да и сегодняшней редактор скотина еще та! Лижут зад мэру города и еще испытывают от этого удовольствие. А ведь правильно я в свое время поступил, что напечатал в газете разоблачительную статью на мэра, несмотря на то, что никакого общественного эффекта она не произвела. Хотя, конечно, в настоящее время никакая разоблачительная бомба не взорвет общество, потому что все и так знают, что творится в администрации города».

– Степан! Ты что там отмокаешь? Давай, выплывай на кухню, чай готов. Что, опять встретился со своими старыми коллегами?

Степан выключил воду, растерся полотенцем, накинул халат и вышел на кухню.

– Федор, не хватало, чтоб ты еще мне душу бередил, и так тошно, – с наслаждением отпивая горячий чай, ответил Степан. – Ты мне что-то предложить хочешь сегодня или просто зашел?

– Я смотрю, такими темпами тебе и до белой горячки недалеко. Как ты изменился в последнее время, Степа! – с сожалением сказал Федор, глядя на брата. – А ведь я тебе всегда завидовал. Образованный ты, в газете работаешь, свободно ездешь везде, встречаешься с интересными людьми. Это ведь не у станка стоять каждый день по восемь часов и точить деталь, которую за долгие годы работы знаешь, как родную. Я и детям своим тебя в пример ставил.

– Может быть, ты мне хочешь предложить на твой секретный завод пойти, гайки точить, надеясь, что администрация завода все-таки заплатит за работу. Да ты сам-то, сколько месяцев зарплату не получаешь – пять или шесть?

– Три, к твоему сведению. Да ладно, Степан, не кипятись, я не хотел тебя задеть. Но, я думаю, ты сам понимаешь, что нельзя так жить дальше. Я не предлагаю тебе идти на завод, но ведь на что-то жить надо? Так ведь тебя и из квартиры могут выселить. И будешь ты бичевать на вокзале.

– А чем можно заниматься в нашем городе Чуханске? Из газеты меня выперли, в администрацию не возьмут, да я и не хочу идти туда, там ведь надо гнуться и прислуживаться! На твой секретный завод я тоже не пойду, да и не токарь я, а журналист... Торговлей китайскими куртками я уже занимался, и ты прекрасно знаешь, что из этого вышло, чуть последние штаны не сняли. – После этих слов Степан замолчал, видимо, не желая вспоминать, а затем, посмотрев на брата, недовольно спросил: – Слушай, Федор, ты что пришел? Поднял меня, не дал выспаться, завел. Лучше бы денег принес, знаешь ведь, у меня дома жрать нечего.

– Степан, я тебе три дня назад двести рублей дал. Последнюю заначку у своей Клавы для тебя вытащил.

– Да менты, суки, все деньги из кармана вымели...

– Слушай, а может, тебе в милицию устроиться или в таможню? Ты посмотри, как наши таможенники живут. Вон Колька Петров из нашего подъезда год назад в таможню устроился, а уже на «Ауди-б» ездит.

– Нет, Федор, милицейская служба не по мне. А в таможню устроиться, ты сам знаешь, какой блат нужен.

– Ну не до бесконечности же ты собрался сидеть в своей конуре, перебиваясь случайными заработками? Может, тебе попробовать вернуться в газету?

– Нет, Федор, в газету я не вернусь. Ты понимаешь, я сделал поступок. Может быть, единственный в жизни поступок, достойный человека. Столько лет я лгал! Двадцать лет выворачивал душу наизнанку, говорил и писал не то, что считал нужным, а то, что было нужно хозяевам, а они были разные. Да и мне всегда что-то нужно было: то квартира, то новое платье жене, то цветной телевизор, то стенку, то на юг съездить, и так до бесконечности. Только где теперь все это? Жена ушла к этому дельцу Бегункову, который обобрал полгорода, цветной телевизор у меня забрали за торговлю китайскими куртками, да и квартира в нашем Чуханске ничего не стоит. Вот и весь результат! Ладно, Федор, хватит! Свои проблемы я буду решать сам. Слушай, сходи-ка за пивом, голова раскалывается. Сделай доброе дело.

– Да схожу я за пивом, но только без продолжения.

– Нет! Сегодня не буду. Завтра мне на суд. Будет верхом неприличия явиться на суд в пьяном виде.

– И чем, ты считаешь, закончится этот суд?

– А ты что, думаешь – решение будет в мою пользу? Председатель суда вместе с мэром в баньке парятся, вместе дела обстряпывают. Так что в данном случае председатель суда непременно пожелает отличиться перед мэром, чтобы дополнительные очки заработать...

– Ну ладно, – прервал Федор Степана. – Я пошел за пивом, а ты давай пока приберись в квартире, а то черт тут ногу сломит.

«Федор прав! Так дальше продолжаться не может, – думал Степан, убирая пустые бутылки в мусорное ведро. – И что это я накинулся на Подпевалова. Может быть, он правильно поступает, выживает в этой скотской среде, не пытаясь плыть против течения. Ведь раньше и я писал о доярках-передовицах, о различных достижениях в производстве, о лучших шахтерах и трактористах. Если эта стена непробиваемая, тогда зачем в нее биться головой, ради чего жизнь себе калечить? Нет! Возврата не будет».

Погруженный в свои мысли, Степан кое-как прибрал в квартире и стал ждать Федора.

«И что это я загрузился, ведь теперь я свободный человек. Этому радоваться надо. Любка ушла, ну и бог с ней. Сколько лет, работая в газете, я мечтал о том, чтобы у меня появилось свободное время. И вот оно появилось, а я раскис, как тряпка, похоронил себя раньше времени. Но ведь я еще могу! Надо собраться...»

Звонок из коридора отвлек Степана от мрачных размышлений. Он открыл дверь, надеясь увидеть Федора со спасительным пивом, а перед ним было улыбающееся лицо однокурсника и старого друга Валентина Чижикова.

– Степа, привет! Сколько лет, сколько зим! А ты что такой убитый, прямо страшно смотреть? – заявил он с порога.

– Да так, вчера воевал с печенью, а сегодня праздную победу, – мрачно пытался отшутиться Степан, провожая друга в свою неухоженную и неприбранную квартиру.

– Сколько мы с тобой не видались, Степа? Полгода или больше? Ты ведь тогда еще в газете работал.

– Откуда тебе известно, что в газете я уже не работаю?

– Вот странный человек! Разве не знаешь, что о твоём противостоянии с мэром полгорода знает?

– Я их не расспрашивал.

– Я смотрю, у тебя не очень веселое настроение. Так... Вот что. Тебе надо развеяться, отвлечься от своих проблем, а там подумаем, как из этой ситуации выкрутиться. Приглашаю на ужин в кафе. Знаешь, я вчера с такими девушками познакомился, просто закачаешься. Мы вчера в «Чарке» с друзьями зависли, там и познакомились. Из Москвы приехали с проверкой в наше казначейство. Очень интеллигентные, красивые и приятные дамы. Ты ведь знаешь, я танцую, к девушке умею грамотно подъехать. В общем, пригласил я их на ужин в «Жемчужину». Составишь компанию? Одному не очень удобно.

– Ты что, только за этим и заехал? – с удивлением спросил Кочергин. – Но у меня, Валентин, одна проблема – отсутствие финансов.

– Есть у меня к тебе одно предложение о сотрудничестве, но об этом потом, ты сейчас не готов конструктивно мыслить. А поход в кафе я оплачиваю. На последней сделке я сорвал хороший куш, так что сейчас с деньгами проблем нет. Главное, чтобы ты, Степа, поддержал компанию, а ты это умеешь, когда захочешь. Ну, как, по рукам?

– Хорошо, уговорил... В шесть вечера встречаемся у «Жемчужины», – Степану хотелось поскорее закончить разговор. Ему было неудобно перед Валентином за свой вид, тем более что он заметил, что друг удивлен произошедшими в Кочергине переменами.

За пятнадцать минут до условленного времени Степан уже стоял у входа в кафе «Жемчужина». Он с трудом подобрал дома кое-что из оставшихся в пригодном состоянии вещей и, замазав толстым слоем крема потертости на туфлях, приобрел более-менее приличный вид и даже определенный шик благодаря недавно приобретенному модному галстуку. В прошлом он пользовался успехом у женщин, так как был довольно привлекателен: высокого роста, правильные черты лица, густые, темные, слегка выющиеся волосы, выразительный взгляд и строго очерченный волевой подбородок. Степан знал о своей мужской привлекательности, и ему хватало ума уметь пользоваться этим. Как пройдет сегодняшняя встреча, он не загадывал и больше думал о сотрудничестве, на которое намекнул Валентин. Он устал от этих бесконечных поисков настоящей работы, устал заниматься тем, что ему совсем не нравилось.

Ровно в шесть часов подъехала машина, и из нее вышел импозантно одетый Валентин и две женщины. Одна была яркая брюнетка выше среднего роста, вторая – шатенка под стать ей. Валентин с улыбкой представил их Степану. Брюнетку звали Жанной, а шатенку – Александрой.

– Можно звать просто Сашей, – сказала Александра, мило улыбнувшись Степану.

– Ну, кавалеры, ведите в кафе! Будем знакомиться с достопримечательностями местной кухни под непринужденный разговор. Хороший ужин стоит мессы, – сказала Жанна.

Проходя в кафе и раздеваясь, Степан заметил, что брюнетка выгодно отличается от шатенки и лицом, и фигурой. Да и выглядела она элегантней. Они прошли к заказанному столику и расселись. Валентин взял меню и стал предлагать девушкам на выбор: Пальчики по-македонски, картофельное ассорти, колбаса «Останкинская» – 350 метров. Дамы заулыбались.

– Шучу, шучу. Не настолько я неучтив, чтобы не дать возможность выбрать дамам самим. Единственное, что мы выберем для себя со Степаном, надеюсь – Степан не возражает, – это водку. Лучше водки может быть только водка!

Валентин сел на своего любимого конька: шутки, приколы, различные розыгрыши. Он вообще был человеком веселым. Степан знал его еще с университетской скамьи, где они вместе учились на факультете журналистики. Да и после окончания университета они часто встречались, дружили семьями, вместе отмечали праздники, ездили отдыхать, часто засиживались до утра на кухне за бутылочкой водки, обсуждая жизненные проблемы, хорошо знали и доверяли друг другу.

Дамы выбрали себе по легкому овощному салату. На второе Жанна захотела семгу с цветной капустой, а Александра – белую рыбу под пикантным соусом и бутылку сухого белого вина. Валентин заказал селедку под шубой и эскалоп с картофелем фри. Степан не стал раздумывать, так как был голоден, и заказал то же, что и Валентин, но еще взял солянку. В «Жемчужине» отменно готовили солянку.

– И надолго вы к нам? – слегка повернув голову в сторону Жанны, спросил Степан.

– Как получится, – ответила Жанна. – Но особо задерживаться не хотелось бы. Уж очень неприятное первое впечатление от города. Грязные улицы, обшарпанные дома. Не чувствуется никакого обновления. Такое ощущение, что мы переместились во времени лет на пятнадцать назад.

– Да вы что! – воскликнул Валентин. – Это вам, дамам со столичными претензиями, не видно перемен, ведь вы впервые в этом городе. Взять хотя бы зоопарк, отреставрировали и обновили. Хотя можно подумать, что в нашем городе только животным плохо жилось. Недалеко от центра гостиница новая строится, не знаю только точно, скольких звезд она будет, но надеюсь, что будет лучше прежней. Обещают в скором времени закончить православный храм. А вы говорите, перемен нет.

– А где сейчас храмы не строят? Все бывшие воинствующие атеисты вдруг стали верующими, особенно те, кто при власти. Я за последние годы во многих городах побывала, везде одно и то же, – включилась в разговор Александра. – Может, лучше вы нам какие-нибудь занимательные истории города Чуханска расскажете.

– Это к Степану, он у нас мастер всяких историй.

– Да какие могут быть интересные истории в провинциальном городе, кроме сплетен и пересудов, – начал рассказывать Степан. – В последнее время город захлестнул криминал, все делят, никак разделить не могут. Приезжает как-то один командированный на завод, подходит к продавцу книг на вокзале и спрашивает: «Где тут ваш секретный завод №10 находится?» А лоточник ему отвечает: «Это не мой завод, это завод Ферсмана».

– А вас этот криминал и дележ как-то затрагивает? – поинтересовалась Александра.

– Меня не устраивает отсутствие стабильного источника доходов и невозможность заниматься любимой работой, – глядя на Александра в лицо, ответил Степан и добавил: – А про криминал и дележ это я так, обрисовал обстановку в городе.

Валентин взял рюмку и предложил тост за прекрасных дам, которые своим присутствием скрасят им этот вечер. Степан выпил водку и почувствовал, как настроение стало улучшаться, а проблемы, терзающие его последнее время, куда-то стали уходить.

– Кстати, хочу вам заметить, – сказал Валентин, обращаясь к дамам, – Степан Петрович является диссидентом новой волны, хотя в настоящее время престижнее быть с властью в дружбе, чем против нее.

– В чем же заключается ваше диссидентство, Степан Петрович? – обратилась к Степану Жанна. – Вы что, с плакатами по улице ходите или антиправительственные листовки печатаете? А может, вы в нравственной оппозиции к власти?

– Нет. Все гораздо проще. Полгода назад, исполняя обязанности редактора газеты «Чуханские новости», я напечатал материал, вскрывающий злоупотребление мэра города по использованию финансов. Его мне передал один опальный чиновник из мэрии. И вот теперь сижу без работы, без средств и без перспективы. Преподаннейшее состояние, скажу я вам. Но вкусный ужин, хорошая водка и красивые дамы всегда могут исправить это положение.

– И какие же вы преследовали цели, печатая этот материал? – внимательно глядя на Степана, поинтересовалась Жанна.

– Да знаете, вот захотелось выплеснуть все это на страницы газеты, а то получается, что все знают об этих злоупотреблениях и все молчат. Кто-то из боязни последствий, а кто-то не верит в возможность перемен.

– Да! – уважительно сказала Жанна. – Есть люди в российской глубинке. А я думала, что герои перевелись.

– Вы смеетесь надо мной? – несколько обиженно спросил Степан.

– Совсем нет! – улыбаясь, ответила Жанна. – Просто интересно, почему вдруг вы взяли и напечатали этот разоблачительный материал? Какая вам была выгода?

– Кроме материальной выгоды существует еще такое понятие, как гражданская позиция. Или вы этого не предполагаете?

– Почему же? Вполне допускаю. Но тогда надо быть готовым на ответные действия противной стороны. Все-таки, я думаю, нацеленность должна быть на результат, а не на позу обиженного борца за справедливость.

– Никакой позы нет, хотя и результата тоже, – с печалью в голосе отметил Степан.

– А мне кажется, – сказала Александра, глядя на Степана, – власть критикуют те, кто сам туда не попал.

– А вам не кажется, что не все туда стремятся? – ответил Кочергин. – К вашему сведению, до революции городская дума решала вопрос о сокращении срока полномочий главы города до двух лет, так как не было желающих занимать эту должность четыре года. Общественные обязанности отнимают много времени, а свои дела и предприятия остаются без хозяина.

Народу в кафе было немного, мелодичная музыка и мягкое освещение создавали уютную атмосферу. Настроение Степана улучшилось, и он, глядя по сторонам, подумал, что давно не проводил вечера в такой приятной обстановке.

– А почему вы не оставите все и не уедете в другой город? – снова спросила Александра.

– Вы знаете, уже не тот возраст. Я ведь здесь родился и вырос. Такое ощущение, что сросся корнями с этим городом, – ответил Степан.

– Может быть, хватит серьезных разговоров, пойдёмте, потанцуем, – предложил Валентин.

– Я вас уверяю, есть в этом городе и окрестностях красивые места. Вот если вы выберете время, я их вам покажу, – предложил Степан.

– Мы обязательно найдем время, Степан, чтобы посмотреть ваши достопримечательности, – ответила, улыбаясь, Жанна.

Танцую с Жанной, Степан расслабился, по телу прошла теплая волна. Мягкие, приятные духи одурманивали его. Ему хотелось, чтобы этот вечер не кончался, он готов был танцевать хоть до утра и говорить, говорить. Но он понимал, что не следует торопить события. А потом, представляет ли интерес безработный провинциальный журналист для молодой и красивой женщины из Москвы.

– А вы чем занимаетесь? – поинтересовалась Александра у Валентина, после того, как они вернулись за столик.

– О! Это у нас великий финансист, – отыгрался за диссидента Степан. – Он еще в университете увлекся экономическими теориями и даже тиснул книгу, а теперь ведущий аналитик по торговле ценными бумагами на нашей бирже.

– Да? – удивилась Александра. – Это очень интересно. Расскажите нам подробнее.

– Какой может представлять интерес для такой прекрасной дамы сухая экономическая теория? Или вас интересует что-то конкретно?

– Ну, мы ведь все-таки имеем некоторое отношение к экономике. Расскажите, например, как у вас котируются акции российских предприятий? – попросила Жанна.

– Восхищен вашим интересом, – проявил галантность Валентин. – Ну, если вам действительно интересно... Мы находимся в самом начале пути к полноценному рынку акций. И если правительство будет продолжать ту же политику, что и сегодня, то к цивилизованному рынку акций – а это значит и инвестиций в экономику – мы будем идти очень долго. Хотя в правительстве на каждом углу кричат о желании привлечь инвестиции в нашу экономику. Вы как аудитор должны знать, что рыночная цена акции колеблется вокруг реальной цены, которая определяется, в конечном итоге, стоимостью самого предприятия. При существующей путаной бухгалтерской отчетности и стремлении предприятий – тоже не от хорошей жизни – скрыть реальные доходы, оценить реальную стоимость акций почти невозможно. Поэтому сейчас стоимости акций в основном спекулятивные, и покупаются они не ради инвестиций и получения прибыли, а ради приобретения самого предприятия или для оказания влияния на промышленную политику данного предприятия...

«Ну, Валентин, разошелся, – глядя на друга, подумал Степан, – теперь его и не остановишь».

– Наша беда еще и в том, что на цену акций оказывает большое влияние так называемый личностный фактор, а это и руководитель предприятия, и руководитель города, и региона, и правительства, и Центробанк, и руководство страны... Проще сказать, кто не влияет. А теперь прикиньте сами, стали бы вы покупать акции, цена которых зависит от кого угодно? Ответ очевиден. А если прибавить к этому возможный сговор между руководителями предприятий или руководителей предприятий с государственными чиновниками, что мы частенько и наблюдаем, то можно сказать, что покупатели наших акций, если, конечно, они не хотят приобрести предприятия, потенциальные клиенты психиатрической больницы. И такая ситуация поддерживается, на мой взгляд, искусственно, так как позволяет покупать предприятия, при сговоре определенных лиц, практически за бесценок... – Валентин взглянул на Александру, а потом на Жанну и смутился: – Извините, я, кажется, увлекся.

– Отчего же, – внимательно глядя на Валентина, сказала Жанна, – очень даже интересно, я даже и не предполагала найти здесь такого интересного собеседника. А как определяется реальная стоимость предприятия?

– Очень просто, с помощью того же аудита или по сговору с руководителем предприятия.

– И как долго будет поддерживаться эта, как вы сказали, искусственная ситуация? – спросила Александра.

– Наверно, пока предприятия не обретут желательных собственников.

– Ну, Валентин сел на своего любимого конька, – улыбаясь, сказал Степан. – Если мы сейчас начнем их обсуждать, то утро мы точно встретим в этом кафе.

– А что, я не против, – весело сказала Александра.

– Я думаю, мы это отложим на другой раз, а то в следующую встречу и поговорить будет не о чем, – пошутил Валентин.

Из кафе они вышли поздно. Настроение от приятного общения и вкусного ужина было хорошим.

– Валентин, ты не боишься подшофе ездить за рулем? – спросил Степан?

– Ты ведь знаешь, что все проблемы с ГАИ решаются определенной суммой. А деньги у меня есть.

Валентин высадил женщин у гостиницы, договорившись, что на неделе обязательно сводит их в местный театр, и повез Степана домой.

– Ну, что, Степан, как тебе дамы? – поинтересовался Валентин, как только они отъехали от гостиницы.

– Ты знаешь, очень даже ничего. Особенно Жанна, прямо Жанна Д'Арк. Да и шатенка ничего. А вообще-то после моего вынужденного воздержания, ввиду отсутствия денег и убежавшей жены, для меня и Баба Яга будет Василисой Прекрасной.

– Извини, Степан, я раньше не поинтересовался, как у тебя дела с работой и судом?

– С работой... никак, а суд – завтра, в четырнадцать часов.

– Знаешь, я тут общаюсь по работе с нашими предпринимателями... Они хотят организовать свою газету. Да и деньги, я думаю, найдутся. Не одного тебя деятельность мэра достала. Предприниматели сейчас научились деньги считать. И всякие поборы – на мэские выборы, на то, на се – довольно обременительны для них, а просто отказать они боятся.

– Ладно, Валентин, я подумаю. Все зависит от того, чем завтра суд закончится. В понедельник вечером позвони мне домой. Я надеюсь, что меня из зала суда сразу не упрячут за решетку.

Засыпая, Степан думал, что неплохую идею подкинул Валентин... стоит за нее уцепиться... это не куртками на рынке торговать...

Ему снился красивый город, летний день, чистые, вымытые улочки, красивые дома, улыбающиеся пешеходы... Степан был невероятно счастлив. С детства мечтал побывать в Париже, Берлине, Риме, и вот во сне его мечта сбылась. Ему снился Париж: улицы, Сена, Лувр. Он бродил по улицам не один. Рядом с ним, весело улыбаясь и стуча каблучками, шла Жанна. На ней был легкий, открытый сарафан, обнаженные плечи приятно его волновали. Они спустились вниз по улочке, сели в открытом летнем кафе и заказали кофе. Степан с завистью смотрел на веселых, улыбающихся посетителей кафе, проходящих мимо пешеходов. Жанна сидела напротив, что-то говорила ему, но он не разбирал слов и только вглядывался в ее карие, сияющие глаза, безмятежно улыбаясь от переполнявшего его счастья, которому, казалось, не будет конца.

Пронзительно зазвонил будильник. Степан проснулся. Приходилось возвращаться к этой раздражающей его действительности, которая не приносит никаких радостей. Нужно было вставать, чтобы подготовиться к суду.

Глава 2. Великое банное сидение

*«И бесы просили Его:
если выгоним нас,
то пошли нас в стадо свиней».*

Евангелие от Матфея. 8, 31

Город Чуханск прошел через все этапы реформ, потрясений и преобразований, которые постигли страну в последние пятнадцать лет. Сначала пустые магазины, колбаса и макароны по талонам, обвал рубля, плюс отсутствие какой-либо внятной политики у находящихся у власти. И в результате сложилась революционная ситуация, которая разрешилась переделом государственной собственности между чиновниками, находящимися у власти, и их приближенными.

Далее в этот передел включились организованные на фоне всеобщей разрухи преступные группировки, каждая со своими претензиями и лидером. После раздела государственной собственности выяснилось, что на всех не хватило. Начался новый передел собственности, с криминальными разборками, убийствами и захватом предприятий. К началу нашего повествования наступило относительное затишье, лишь изредка прерываемое незначительными стычками по разделу объедков с барского стола.

Внешне город Чуханск за этот период смутного передела почти не изменился. Он был таким же серым и неприглядным, с грязными, разбитыми улицами и трущобами вокруг заводов. Веяние нового времени проявилось в основном на центральных улицах – в виде броских вывесок магазинов, кафе, ночных клубов и дискотек да в местах уличной торговли в виде больших куч мусора. Грязь и мусор в городе воспринимались гражданами как неизбежное зло. Зло, которое невозможно победить, как того сказочного трехглавого дракона. Чуханцы через газеты и телевидение были хорошо осведомлены, какие серьезные меры предпринимает мэрия по очистке города от мусора и грязи. На этом фронте, поговаривали, имеются даже жертвы. В прошлом году одного дворника убило сосулькой, а другой убирал снег, убирал, убирал, да так обессилел, что замерз в снегу.

В это непростое время и взошла карьера нынешнего мэра города Чуханска. Сергей Сергеевич Пупков не растерялся, когда произошел путч в Москве, а, имея достаточно опыта и смекалки, понял его бесперспективность и поддержал рабочих секретного завода, где он трудился на должности руководителя его партийной организации, в их протесте против путча. Его поступок был замечен пришедшими к власти после подавления путча, и когда началась «раздача слонов», он благополучно занял кресло председателя комитета по управлению государственным имуществом. Имея природную смекалку и поднаторев в партийных интригах, он поблагодарил судьбу за предоставленную ему возможность проявить себя.

В период его председательства в комитете сформировалась атмосфера взаимопонимания. Члены комитета по итогам года получали премии, превышающие их все основные доходы в разы. Государственное имущество распродавалось с космической скоростью по минимальным ценам. Иногда личные доходы Сергея Сергеевича от продажи государственного имущества превышали официальную стоимость этого имущества в тысячу раз. Родственники и близкие Пупкова резко двинулись в бизнес и стали преуспевающими собственниками нескольких предприятий. Такое положение дел очень радовало Сергея Сергеевича. Он постоянно находился в приподнятом настроении, казалось, что теперь ничто не может испортить его счастливой жизни. Он начал посещать рестораны и другие увеселительные заведения, много шутил и даже несколько раз ходил в театр, чем несказанно удивил близких и людей, знавших его. Обзавелся роскошной загородной виллой, обставленной дорогой итальянской мебелью, доб-

ротной иномаркой и молоденькой любовницей. Для повышения квалификации съездил за границу, откуда приехал с твердым убеждением, что мы должны следовать своим путем, а не копировать западные модели управления. С успехом защитил кандидатскую диссертацию на тему государственного управления в период реформ в Чуханском филиале Академии наук. От такой приятной во всех отношениях жизни Сергей Сергеевич расслабился и просмотрел одного из своих замов. Пронырливый заместитель, стремясь занять его кресло председателя комитета, собрал на своего шефа компрометирующий материал, съездил в Москву, где заручился поддержкой, пообещал прокурору Чуханска увеличение его доли и через средства массовой информации выбросил компромат на суд общественности. В газетной статье подробно описали, как председатель комитета, используя служебное положение, занимался личным обогащением, через подставные фирмы распродавая государственное имущество за бесценок. Было заведено даже уголовное дело по факту злоупотреблений. Скандал был успешно раздут, в результате чего Сергей Сергеевич был вынужден перейти на должность директора завода по производству бетонных конструкций, в свое время приватизированного его братом.

После ухода с поста председателя комитета по государственному имуществу С. С. Пупков никогда не оставлял мысли вернуться к большим деньгам. И как только шумиха вокруг его деятельности улеглась, не без помощи денежных знаков он приступил к активным действиям. История с Комитетом по управлению госимуществом многому научила его и подтолкнула к мысли, что лучше получить мандат от народа, чем назначение от власти.

Сергей Сергеевич наметил план действий. И в один из дней, обзвонив своих знакомых, предложил посетить его баньку, попариться, а заодно обсудить кое-какие вопросы, намекнув, что вопросы очень важные. Он пригласил представителей почти всех ключевых ведомств управления города, но не первых лиц, а их замов, в надежде потешить их самолюбие, завлечь перспективой и тем самым сделать своими сторонниками.

Какой же русский не любит баньки? Сергей Сергеевич знал толк в русской бане и любил париться с хорошим веничком и пивком, делая все не спеша и с удовольствием. Баню, он построил раньше, чем свою роскошную дачу, и уделял ей много внимания. И баня была, я вам скажу, сделана от души: парилку отделали липой, каменку выложили по всем правилам банного искусства, а большие окна веранды выходили на подстриженную поляну с величественными соснами. Она была большая и так же, как и парилка, полностью отделана деревом. В ней свободно помешались бильярд, большой, добротный изготовленный обеденный стол, шкаф с посудой, холодильник и несколько плетеных кресел. В противоположной от веранды стороне находился бассейн с чистой водой. Был у Сергея Сергеевича и свой банщик, Василий Пономарев, по совместительству – охранник.

Василий знал толк в русской бане и парил так, что душа улетала в рай.

В субботу к десяти часам утра баня уже была готова: венички запарены, в парилке пахло эвкалиптом и хвоей, на веранде стопкой лежали простыни и полотенца, холодильник был забит отменным пивом и водкой, а также множеством различных закусок. Здесь были черная и красная икра, слабосоленая семга, балык, маринованные маслята, соленые огурцы и квашеная капуста, крабы и креветки, а также свежая зелень. К водке по специальному заказу были приготовлены пельмени. Хозяин отлично понимал, что после хорошей баньки с пивком и водочкой, под хорошую закуску и дела лучше делаются, и собеседники становятся более разговорчивыми и откровенными.

Приглашенные не заставили себя долго ждать. Первым на своей «Волге» приехал его заместитель Николай Алексеевич Кузькин. «Пожалуй, этот больше всего заинтересован в продвижении по службе, – подумал Пупков, идя навстречу гостю и широко улыбаясь. – Вот уже восемь лет ходит в замах, и никакой перспективы роста. Хотя он будет посильнее прокурора, но не обладает такими связями в Москве». Следом прибыли и все остальные: заместитель

начальника ГУВД, заместитель мэра по строительству, председатель городского суда, главврач города, директор завода металлоконструкций и директор мебельной фабрики.

Хорошо попарившись и употребив почти весь продуктовый запас, которого роте солдат хватило бы на месяц, и также изрядно выпив, гости поздно ночью разъехались, приняв для города Чуханска судьбоносное решение.

Сергей Сергеевич предложил, а остальные поддержали идею о создании общественно-политического объединения, с помощью которого можно было на следующих мэрских выборах продвинуть его, С. С. Пупкова, в мэры. В дальнейшем же использовать объединение для продвижения по службе и улучшения материального положения всех участников этого банного сидения.

Предложение было принято с воодушевлением. Название дали незатейливое, так как все были изрядно нагружены спиртным, и напрягаться особо не хотели. Да разве дело в названии?

– Объединение будет называться «Наш город Чуханск», – предложил главврач.

Никто из присутствующих не стал возражать, а Кузькину оно даже очень понравилось: коротко и ясно. Для обывателя упор ставится на патриотизм, а для Москвы оно не представляло опасности – дескать, мы не претендуем на вашу власть, но в своем городе Чуханске хотим быть хозяевами.

Подготовку учредительных и программных документов Пупков взял на себя. Тем более что он уже договорился с профессорами института философии и права, и те готовы были придать программному документу наукообразный вид за довольно незначительную сумму денег.

К следующим выборам в мэры ОПО «Наш город Чуханск» сильно раскрутилось за счет денежных вливаний и привлечения известных в городе людей. А так как других подобных объединений в городе не существовало, то и конкуренции на выборах не возникло. Денег и обещаний не жалели, что и определило результаты выборов. Николай Васильевич Кротов, занимающий на то время пост мэра города, был человеком хозяйственным и политики чурался, строго выполняя решения губернатора и распоряжения из Москвы, так что серьезного соперничества на выборах Пупкову оказать не смог.

Так Сергей Сергеевич Пупков стал мэром города, Николай Алексеевич Кузькин – прокурором, так как прежний ушел на повышение в Москву, заместитель начальника ГУВД – начальником. Другие учредители также не были обойдены и получили возможность значительно укрепить свое положение и улучшить его материально. А день организации ОПО знающие люди называют днем Великого банного сидения.

Глава 3. Судный день

«И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду».
Евангелие от Матфея, 5, 40

Степан был уверен, что уже готовое решение по его делу лежит на столе у судьи. Но душа противилась, и не хотелось быть мальчиком для битья. Даже в этих заведомо проигрышных, невыгодных для себя условиях необходимо было защищаться. На адвоката, как и на все остальное, денег не было, и Степан решил сам себя защищать. А что, если выступить с резкими разоблачениями деятельности мэра и его приближенных? Эта мысль заметалась у него в голове и вызвала массу эмоций. Он представил, как обрушивается с грозной разоблачительной речью на защитников мэра. У присутствующих в зале суда загораются глаза, и они – на его стороне. Горожане давно уже знают о нечистых делах мэра. Невозможно скрыть ту роскошную, расточительную жизнь, которую ведет мэр. Барская вилла, дорогие роскошные иностранные автомобили, невероятной цены украшения для жены и любовницы... Разве это можно приобрести на довольно скромный оклад мэра? «Нет, так не пойдет. Мечтать, конечно, не вредно, но надо придумать более реальный ход защиты», – подумал Степан.

До начала суда оставалось еще два часа, и Степан решил пройтись и успокоить нервы. Собрав необходимые документы, он вышел из дома и размеренным шагом двинулся в сторону здания суда. По-весеннему яркое солнце и свежий теплый ветерок несколько рассеяли его мрачные мысли. «Сколько душевных сил и энергии приходится тратить на эту бессмысленную возню, – с сожалением подумал Степан. – Скинуть бы с себя весь этот груз суеты, освободиться от окружающей мерзости и ощутить радость и счастье от жизни, от этого яркого весеннего солнца, от переполняющего душу, с детства знакомого запаха распускающихся почек. Да нет... не дадут... не оставят в покое».

Углубившись в свои размышления, Степан не заметил, как оказался возле городского суда. Это было четырехэтажное здание с квадратными окнами без каких-либо архитектурных изысков, построенное где-то в середине семидесятых годов прошлого столетия. На обочине стояло несколько легковых автомобилей, заехавших прямо на изрытый колесами машин газон, так как место для парковки было не предусмотрено. Работая корреспондентом газеты «Чуханские новости», Степан и раньше бывал в здании суда, но никогда ранее оно не производило на него такого гнетущего впечатления.

Перескакивая через грязные лужи, Степан перебрался на противоположную сторону дороги и вошел в здание суда. Слева от входа молоденькая девушка со столов торговала юридической литературой. Справа стояли охранники, досматривая входящих. Степан предъявил охранникам повестку, портфель с документами и прошел в зал заседаний. Там уже находились защитники мэра, которые, смеясь, о чем-то переговаривались.

– А вот и наш герой, – с ехидной улыбкой произнес Андрей Викторович Кукушкин, знавший Кочергина.

– Приходится геройствовать, если не служишь хозяину, – отреагировал Степан.

– Наш оппонент, видимо, настроен по-боевому, – обращаясь ко второму защитнику, произнес Кукушкин.

– А что остается делать, Андрей Викторович, когда приходится защищаться в разных весовых категориях? – спросил Степан. – Нечестные люди не способны состязаться по честным правилам.

– Вот видишь, Михаил Львович, – сказал Кукушкин, пытаясь уловить реакцию Степана, – когда в суде выступают юристы, то они говорят о законах, а журналисты о нравственности и чести, совсем не понимая, что закон и есть высшая справедливость.

Степан не стал втягиваться в бессмысленную дискуссию, и ничего не отвечая на выпады адвокатов мэра, прошел к своему месту. Публика в зале была довольно разношерстная. Это дело вызвало множество кривотолков и шума в городе, поэтому любопытствующих зрителей было предостаточно. Среди сидящих в зале он увидел несколько знакомых журналистов с блокнотами и диктофонами в руках. «Встать! Суд идет!» – объявила секретарь суда. Вошли судья и двое народных заседателей и заняли свои места.

Судью, Алевтину Матвеевну Никоненко, Степан знал раньше. Она давно работала судьей и была известным в городе человеком. Среди горожан она слыла мужененавистницей, так как личная семейная жизнь у нее не сложилась, муж в свое время спился и умер от белой горячки. Единственный сын попал в неприятную историю, связанную с наркотиками. Она долго с ним возилась, лечила его в различных наркологических клиниках, но он, выйдя из лечебницы, снова начинал принимать наркотики и, в конце концов, умер от передозировки.

Алевтине Матвеевне было уже далеко за сорок лет. Она, как говорится, была далеко не красавица: невысокая, полная, с крашеными волосами и утиной походкой. Замуж она так и не вышла, да и поклонников не наблюдалось. Поговаривали, что, если по попадавшим к ней делам проходили мужчины, сроки были максимальными.

Заседателей Степан не знал. Мужчина полуинтеллигентного вида в помятом галстуке и пиджаке неопределенного цвета и женщина лет сорока с ярко накрашенными губами и выцветшим взглядом. Она могла быть кем угодно – комендантом общежития, завхозом какого-нибудь детского садика или бухгалтером домоуправления.

«Пожалуй, что с таким судом и заседателями мои шансы составляют около одной десятой процента», – грустно подумал Степан.

Судья зачитала исковое заявление в защиту чести и достоинства мэра города Чуханска Сергея Сергеевича Пупкова с требованием возместить нанесенный ему моральный ущерб, оцененный мэром в 300 тысяч рублей.

– Будут ли ходатайства, заявления? – спросила судья.

– Ваша честь, я ходатайствую о том, чтобы в зале суда не производили видеосъемки, – заявил Кукушкин.

– Ходатайство истца удовлетворяется.

Слово предоставили истцу.

– Ваша честь, уважаемые заседатели и граждане города! В пятидесятом номере газеты «Чуханские новости» Степаном Петровичем Кочергиным, в то время исполняющим обязанности главного редактора газеты, была напечатана статья, порочащая достоинство всеми нами уважаемого мэра города Чуханска Сергея Сергеевича Пупкова. В данной статье автор использовал неподтвержденные факты и, как потом было доказано комиссией, порочащие честное имя и достоинство Сергея Сергеевича Пупкова. Перечисленные пять миллионов рублей из бюджета города на строительство комбината по производству детского питания предприятию ООО «Продукт» были затрачены непосредственно на разработку проекта и приобретения технологического оборудования, что доказывается представленными суду документами. В данном деле не прослеживается заинтересованности мэра города, поэтому считаем, что статья Степана Петровича Кочергина не обоснована и тем самым ущемляет честь и достоинство Сергея Сергеевича Пупкова. Сергей Сергеевич Пупков не просто является гражданином Чуханска, а занимает важный и ответственный пост, поэтому автор опорочил не только Сергея Сергеевича, но и всю административную власть города. Исходя из вышесказанного, мы считаем, что автор данной статьи должен компенсировать причиненный моральный ущерб гражданину и мэру города в размере 300 тысяч рублей. Мы настаиваем на данных требованиях, хотя это

и незначительная сумма по сравнению с теми страданиями, которые пережил наш многоуважаемый мэр. У меня все.

– Что вы скажете в свою защиту, гражданин Кочергин?

– Ваша честь! Я не считаю себя лжецом или человеком без чести и достоинства, и готов подписаться под каждым фактом опубликованной статьи. Свою статью я писал, основываясь на документах, предоставленных мне Владимиром Владимировичем Поликарповым, который работал в то время в финансовом отделе мэрии. К сожалению, сегодня он не может присутствовать на суде, так как на прошлой неделе был избит хулиганствующими молодчиками в подъезде своего дома. И в данный момент находится в больнице с тяжелой травмой головы.

Я считаю, что эта афера, проделанная мэром вместе с его родственниками, была заранее спланирована. Предприятие ООО «Продукт» было зарегистрировано за месяц до того, как деньги из мэрии были перечислены на его счет, и учредителем данного предприятия являлся племянник Пупкова, некто Альфред Натанович Кологоворотов. После получения от мэрии пяти миллионов рублей предприятие было обанкрочено и реорганизовано, а деньги ушли в неизвестном направлении. Хотя можно предположить, что они были распределены по карманам родственников Пупкова. Конечно, за руку никого из них я не поймал, но мошенничество явно прослеживается. Мэрия, имея задолженность по зарплате врачам и учителям, выделяет значительные суммы на поддержку сомнительных проектов. Да так у нас в городе скоро вообще не будет ни образования, ни медицинского обслуживания. Честь и достоинство жизни наших сограждан брошены в угоду мэру, творящему произвол и беззаконие. Если вы считаете, что покрыть деяния, в которых явно прослеживается мошенничество, важнее чести и достойной жизни всех горожан, то что я могу сказать в свое оправдание?

На этой пафосной ноте Кочергин закончил свою речь и сел на место.

– Будут ли еще заявления и выступления? – спросила судья.

– Ваша честь! Я хочу сказать, – взял слово помощник Кукушкина. – В сегодняшнее непростое время, когда общество и так расколото и нет единства, я считаю действия Кочергина не просто безответственными, а даже, можно сказать, преступными, так как подталкивают недовольную часть населения к противоправным действиям. Господин Кочергин должен не только компенсировать моральный вред мэру нашего города, но понести более строгое наказание за подрыв государственного строя. В этом деле необходимо разобраться, как следует, и вынести общественное порицание поступку недобросовестного журналиста. Прошу учесть мое мнение.

Суд удаляется на совещание, – объявила секретарь, и судья вместе с заседателями удалилась в совещательную комнату.

– Николай Николаевич, как вы думаете, размер предъявленного иска к Кочергину соответствует нравственным страданиям мэра? – обратилась Алевтина Матвеевна к заседателю.

– Да я вообще считаю, что его надо посадить года на три, – с запалом ответил Николай Николаевич. – Совсем нет никакого уважения к власти. Этим журналистам дай волю, любого грязью обольют. Того и гляди, скоро до президента дойдут. Нельзя позволять им вбивать клин между народом и властью. Народ и власть едины, так как они находятся в постоянном соуплении. Ничего святого не осталось у этих журналистов. Найдут, где какой скандальный материал, и давай о нем кричать на каждом углу. И ведь не задумываются, как это на людях отразится, – разошелся Николай Николаевич.

– А вы как думаете, Анастасия Власовна?

– Жалко мне его. Где же он такие деньжищи-то возьмет. Ведь сумма очень большая.

– А пусть думают, прежде чем писать всякие статейки, – с возмущением сказал Николай Николаевич.

– Ну, что ж, на том и порешим. Иск в размере 300 тысяч рублей удовлетворить. Подписывайте, Николай Николаевич, и вы, Анастасия Власовна.

«Встать. Суд идет!»

Алевтина Матвеевна, удовлетворенная прошедшим заседанием, зачитала резолютивную часть решения: «Требование истца о компенсации нанесенного морального ущерба в размере 300 000 рублей удовлетворить. Опубликовать в газете „Чуханские новости“ опровержение статьи „Мэрские игры“. Решение может быть обжаловано в течение десяти дней в вышестоящий суд».

Трудно было ожидать какого-либо другого решения, но Степан все равно чувствовал себя разбитым и униженным. Выйдя из зала суда, он настолько был подавлен, что сразу не мог сообразить, в какую сторону ему двигаться. Дома его никто не ждет, друзей, к кому бы он мог сейчас вот так, запросто, зайти и излить душу, не осталось. Любимой женщины нет. Он подумал про свою новую знакомую Жанну, но не идти же к ней в таком состоянии. Не придумав ничего подходящего, Степан устало двинулся в сторону дома.

Дома было пусто и неуютно. Он так и не привык к этой квартире, куда переехал из прежней трехкомнатной после развода с женой. Маленькая однокомнатная квартира с низким потолком ему сразу не понравилась, да и район был отдаленным. В доме постоянно летом не было воды, а зимой тепла. Жена настаивала на быстром размене, вот и пришлось перебраться. Хотя, похоже, и здесь он долго не задержится.

Звонок в дверь отвлек Степана от размышлений. Он никого не ждал. Кто бы это мог быть? Не думая, он встал и пошел открывать дверь. На пороге со своей неизменной улыбкой, с пакетами и бутылкой водки в руках стоял Валентин Чижиков.

– Приветствую тебя, бесстрашный рыцарь Ланцелот. Это я, твой добрый волшебник. Почему такой унылый вид? Сейчас мы сделаем на быструю руку закуску, выпьем водочки, и печаль как рукой снимет. Про суд можешь не рассказывать, я от твоих коллег уже все вызнал. Пошли на кухню, небось есть хочешь, как волк в холодную зиму. Степан, ты подумал о моем предложении насчет газеты? Я тут, наперед, переговорил с некоторыми бизнесменами по поводу их участия. Они готовы помочь деньгами. Многие в городе не довольны деятельностью администрации. Произвол и поборы чиновников всех достали.

– Знаешь, Валентин, я вообще подумываю из города уехать, может быть, в другой город, а может, за границу.

– Так ты что, считаешь, что в другом городе все иначе? Чуханск – это черная дыра, а в другом месте тебе все на блюде поднесут? Я ведь поехал по стране и скажу тебе, везде все то же самое, только с незначительными вариациями. Ты посмотри, что в стране происходит. Наш мэр Пупков присвоил пять миллионов рублей, это так, мелкие кражи. Почему, ты думаешь, рубль по отношению к иностранной валюте постоянно скачет? Ведь соотношение рубля и доллара установлено не торговым балансом, а Минфином, и на этих изменениях соотношение рубля к доллару кто-то зарабатывает миллионы долларов в день. Ну, а насчет заграницы, допустим, ты сможешь уехать за границу, даже можно допустить, что уедешь в благополучную страну Канаду, или Францию, или Англию... Но на что ты там будешь жить, не имея капиталов, связей и не зная языка. Журналистом ты там не сможешь работать, а другой профессии у тебя нет. Так что остается у тебя один выход – принять мое предложение. Ведь я дело предлагаю. Это тебе не работа в «Чуханских новостях», свободы и выбора у тебя будет достаточно, а финансовую сторону газеты я беру на себя.

– Да это я насчет отъезда так... Ты же знаешь мою ситуацию. На данный момент у меня выбора почти никакого, и не соглашаться на твое предложение было бы глупостью. Ну, вот что, давай выпьем, а завтра с утра я начну думать, план набросаю, что необходимо предпринять, и начнем действовать.

– Ну, вот и хорошо. Кстати, Степан, я тут Жанну с Александрой в четверг в театр пригласил. Составишь компанию? Чеховского «Дядю Ваню» ставят.

– Что ж... Времени у меня свободного много, а в театре я уже сто лет не бывал. Когда день отсидишь на рынке, то вечером ни на какие спектакли не тянет, водки накатишь – и в кровать.

– Правильно. Когда тебя обстоятельства гонят по кругу, то некогда разглагольствовать, надо бежать.

– Можно и бежать, Валентин, и даже хочется бежать, когда знаешь куда.

– Вот я и предлагаю тебе место, чтобы было куда бежать. И все-таки необходимо постоянно действовать. Вот я поставил себе год назад цель – купить подержанную иномарку, ну и копил, тихонько, правда, год уже прошел, а мне сейчас подержанную не надо, я хочу новую. А все почему? А потому, что я изменился, и доходы мои изменились, да и новые иномарки подешевели, а ведь год назад я искренне верил, что куплю подержанную.

– Может быть, ты и прав, Валентин, только мне не до машин сейчас. Сейчас я просто выживаю. Пытаюсь сохранить человеческий облик и хоть какой-то интерес к жизни.

– Степан, а ты не преувеличиваешь трудности?

– Ты все такой же остался. Тяжесть переживаемых трудностей есть субъективное восприятие, я не говорю о болевых ощущениях. Чем больше разрыв между желаемым и действительным, тем сильнее страдания.

– Ладно..., ладно... Ты всегда в философии лучше меня соображал. Ну, я помчался, а то уже поздно. В четверг увидимся.

Глава 4. На пути к успеху

В городе Чуханске в это время происходило множество других важных событий, которые, несомненно, имели историческое значение.

Мэр города подписал постановление о запрещении коррупции и организованной преступности, а также призвал развернуть борьбу с чванством. Органы внутренних дел быстро отреагировали на постановление и призыв мэра. Был задержан один вор-карманник и три человека по подозрению в чванстве. Был также задержан подозрительный, заранее судимый гражданин Понятаев, вина которого в данный момент сочиняется. Лейтенант Строев не смог догнать грабителей, которые напали на девушку в городском парке и пытались отнять у нее самое дорогое. Но девушка оказалась весьма предусмотрительной, и все самое дорогое оставила дома.

В администрации мэрии были произведены серьезные перестановки. Начальник финансового отдела стал начальником экономического, а начальник экономического отдела стал начальником финансового. Уборщице тете Маше приказано было убирать третий этаж администрации, а не второй.

Представитель Чуханского филиала Академии наук заявил, что наша экономика достигла крайней точки падения и что дальше падать некуда, хотя он полностью в этом не уверен. Для окончательных выводов необходимо провести замеры падения и провести научно-практическую конференцию по данному вопросу.

Особый интерес у горожан вызвало заявление пресс-секретаря мэра о том, что с понедельника будет проводиться равноудаленная политика для обоих олигархов. Им приказано покинуть здание администрации города и в дальнейшем не приближаться ближе, чем на двести метров.

Пора приступить к работе, – добавил от себя пресс-секретарь.

Корреспонденты некоторых газет объясняли решение мэра аллергией на одного из олигархов, Д. А. Веймера, хозяина скважины минеральной воды, и наскучившими плоскими шутками другого – И. С. Цукермана. Во исполнение принятого решения возле мэрии будет организован пост.

Глава горизбиркома предлагает произвести перепись населения города, так как постоянно, в период выборов, на избирательные участки приходит избирателей больше, чем зарегистрированных горожан, и поэтому бюллетеней на всех не хватает.

Третьи сутки милиция безуспешно разыскивает машину начальника ГУВД, угнанную какими-то «отморозками». В машине находились деньги, но какая сумма точно, начальник ГУВД не знает. Нормальные «пацаны» обещали содействие и помощь в поисках машины.

Значительные успехи были достигнуты и в производстве. Завод «Красный Октябрь и сыновья», принадлежащий И. С. Цукерману, выпустил стотысячную мясорубку. Секретный завод №10 выбросил в атмосферу на пятнадцать тонн газов больше запланированного.

В городском суде начался громкий процесс по делу братьев Стреминых, которые в январе прошлого года с завода по производству резинотехнических изделий украли 10 тысяч резиновых галош, но, не сумев их продать, стали раздавать даром, благодаря чему и попались органам милиции.

В субботней встрече за круглым столом председателя правления банка «Чуханская кубышка» с журналистами банкир с резкой критикой обрушился на администрацию города: «Воруют, конечно. Бюджет пустой. Месяцами держат врачей без зарплаты, больницы, без лекарств, а в это время высокие чины от здравоохранения разъезжают на иномарках. Любовно украшают свои кабинеты, дачи, квартиры. Лишь во время предвыборных кампаний натруженные в чиновных креслах тела должностных лиц перемещаются в поношенные костюмы и потрепанные „Волги“. Во время выборов иногда даже чинят водопровод и газ. Чаше дают горячую

и холодную воду». Из речи банкира видно, что он уже готовится к новым выборам на пост мэра города и обкатывает свои предвыборные речи.

На этой неделе на Чуханск обрушилась еще одна напасть. Жители пригородного поселка Черемшинск прислали мэру города ноту протеста, в которой в ультимативной форме заявили: «Если к осени этого года город Чуханск не будет соединен асфальтированной дорогой с Черемшинском, то Черемшинск заявит о своем отделении и самоопределении. В поселке Черемшинск будут созданы льготные условия регистрации предприятий и налогообложения. В результате чего бизнесмены переведут свои предприятия в Черемшинск, и городская казна останется без денег». Мэр города не заставил себя долго ждать и выступил с ответным обращением, в котором он призвал действующего главу поселка Черемшинск и самих черемшинцев к порядку. Если они не прислушаются к голосу разума, то мэр будет вынужден отстаивать порядок силовыми методами. Для чего в поселке будет размещена рота ОМОН для поддержания конституционного порядка.

Вот такая выдалась в городе Чуханске неделя – полноценная и насыщенная серьезными событиями. Так, через хаос отдельных событий и стремлений история прокладывает свой неотвратимый путь, который пока что трудно определить.

Степан проснулся в хорошем настроении и с желанием скорее приступить к работе. «В первую очередь необходимо прибраться в квартире, – подумал Степан, глядя на валяющиеся в беспорядке вещи и пыль, покрывающую все вокруг. – Потом позавтракать тем, что осталось от визита Валентина, – и за работу. Надо подумать о газете».

Составляя план первоочередных действий и смету необходимых расходов для организации газеты, Степан прикидывал: «Придется давать взятки, и немалые, а как их включить в смету? И главное, как отчитаться перед учредителями? Пожалуй, это надо поручить учредителям. Во-первых, им привычнее, а во-вторых, меньше мороки для меня и причин для недоверия у учредителей».

Все следующие два дня Степан потратил на встречи с учредителями, обсуждая различные вопросы издания газеты. К концу четверга ему стало ясно, что никто из учредителей реально не представляет, как это должно быть, и ему придется не только делать все самому, но и всю ответственность брать на себя. «Хорошо, хоть денег дают. Главное сейчас – провести собрание учредителей и утвердить смету, дальше я все сделаю сам», – размышлял Кочергин.

В эти два суматошных дня к нему нет-нет, да и приходила мысль о предстоящей встрече с Жанной. Никаких особых планов по отношению к ней он, конечно, не строил и далеко не загадывал. Думать об этом было непривычно, но необычайно приятно.

В четверг Валентин заехал за час до начала спектакля, и уже через пятнадцать минут они были у гостиницы. Здание гостиницы, построенное в период эпохи конструктивизма, представляло собой квадратные формы, нагроможденные одна на другую. Номера и обслуживание здесь были самыми лучшими в городе. При разделе государственной собственности гостиница стала частной, и владел ей бывший директор, связанный, как поговаривают, с криминальными структурами, что, однако, ему не помешало – а может быть, и помогло – хорошо поставить дело.

Минут через десять Валентин с дамами вышли из гостиницы. Женщины были во всеоружии – одежда и макияж подобраны со вкусом. «Сколько же ей лет? – подумал Степан, приглядываясь к Жанне. – Явно моложе меня».

– Здравствуйте, рыцарь без страха и упрека. Ну что, начнем нашу программу по изучению культурного слоя города Чуханска, – сказала, обращаясь к Степану, Жанна.

– Здравствуйте, – улыбаясь, ответил Степан. – Рад вас видеть. Прекрасно выглядите. Для меня большое счастье быть вашим рыцарем. Надеюсь, от этого вечера вы получите только приятные впечатления.

– И мы надеемся, – ответила Саша.

– Что же, прекрасно, – включился в разговор Валентин, – по крайней мере, на сегодняшний вечер мы имеем общие цели.

Зрителей в зале в этот вечер было довольно много, так как в спектакле была задействована местная знаменитость – Андрей Валерьевич Купов. Своей неподражаемой игрой он давно снискал известность и любовь у горожан. Он играл в спектакле Войницкого. Ему всегда удавались роли потерявшихся, спившихся, слабохарактерных личностей.

Спектакль начался вовремя, и когда поднялся занавес, Степан испытал даже некоторое волнение. Еще, будучи студентом университета и потом, работая в газете, он частенько посещал местный театр. Особенно ему нравились постановки чеховских пьес. Он считал Чехова одним из величайших драматургов, сумевшим глубоко проникнуть в психологию человека.

Артисты, игравшие в этой пьесе, были ему знакомы, уровень их игры мог устроить даже заядлых театралов, но сегодня они играли вяло и без души. Создавалось впечатление, что собрались разные люди, каждый по-своему несчастлив, досаждают друг другу, находясь в замкнутом пространстве, и не видят возможности избежать этого.

Артистка, игравшая Елену Андреевну, была похожа на девицу легкого поведения, а не на светскую даму и жену профессора, и говорила Астрову с намеками в голосе, и чуть ли, не подмигивая:

«Вы еще молодой человек, вам на вид... ну, тридцать шесть – тридцать семь лет», – здесь артистка как бы задавала вопрос, разглядывая Калмыкова, который играл Астрова, а ему, видно, так и хотелось ей ответить:

«Да, да здоровый мужик и вполне еще пригоден».

«И, должно быть, не так интересно, как вы говорите. Все лес и лес... – и здесь, сделав паузу, жеманно добавляла: – Я думаю, однообразно». Она поворачивалась к Калмыкову впол-оборота, как бы показывая: а ведь я вполне интереснее вашего леса; или: а как бы я смотрелась в вашем лесу? Видимо, это была находка режиссера.

Андрей Валерьевич Купов, как всегда, был в ударе, особенно ему удавалась ненависть к профессору. Может быть, он действительно ненавидел артиста Пахомова, игравшего профессора Серебрякова.

«О! – это „О“ было таким значимым, что зрители замирали. – Как я обманут! – Андрей Валерьевич поднимал руки вверх. – Я обожаю этого профессора, этого жалкого подагрика, я работал на него как вол! Я, – он прикладывал руку к груди, – и Соня выжимали из этого имени последние соки! – Купов сжимал кулаки. – Мы, точно кулаки, торговали постным маслом, горохом, творогом, сами не доедали куска, чтобы из грошей и копеек собрать тысячи и послать ему. – Он метался по сцене. – Я гордился им и его наукой, я жил, я дышал им! – после каждого „Я“ Купов бил себя в грудь. – Все, что он писал и изрекал, казалось мне гениальным... Боже, а теперь? – Андрей Валерьевич еще выше поднимал руки, как бы спрашивая у Бога. – Вот он в отставке, – произносил Купов, и улыбка блаженства растекалась по его лицу, как будто он был очень доволен, что профессор в отставке. – И теперь виден весь итог его жизни: после него не останется ни одной страницы труда, он совершенно неизвестен, он ничто! – Андрей Валерьевич при этом смотрел вниз на сцену и разводил руками. – Мыльный пузырь! И я обманут..., вижу – глупо обманут...»

Напряжение было таким, что, когда входил Астров, зрительный зал облегченно вздохнул.

Спектакль закончился под бурные аплодисменты, Андрею Валерьевичу преподнесли роскошный букет цветов, некоторые из зрителей кричали «Браво!».

После спектакля, так как было еще не поздно, Валентин предложил зайти в соседнее кафе. Кафе было небольшое, всего около шести столиков, и по-домашнему уютное. Валентин заказал бутылку шампанского, коробку конфет и кофе.

– А здесь неплохо – заметила Александра. – Если еще и кофе приличный подают, то очень даже приятно провести здесь вечер с друзьями.

– Как вам понравился спектакль? – спросил Степан у Жанны.

– Неплохо. Но мне кажется, что не тот эмоциональный настрой. Профессор Серебряков похож на провинциального учителя, Дядя Ваня – на спившегося кучера, а Астров – из ума выживший чудак, и все они пристают к единственной красивой женщине, Елене, которая по непонятным причинам всем им отказывает. То, что Елена стала женой профессора, вполне естественно, молоденькие девочки всегда влюбляются в преподавателей. Но также естественно и то, что они в дальнейшем наставляют рога своим старым мужьям или бросают их.

– Какой жестокий вы судья! А по вашему виду и не скажешь.

– А вы вообще часто бываете в театре? – спросила Жанна, обращаясь к Степану.

– Раньше, часто бывал, а теперь вообще не хожу. Считаю, что это просто способ развлечения. Ничем не лучше телевизора или футбола. Но этот спектакль, мне кажется, сегодня в тему.

– Ну, Степан, ты загнул! – воскликнул Валентин. – Если бы не театр, то в нашем городе и вечер провести прилично было бы негде. Иногда крутишься, бегаешь по своим делам, решаешь какие-то проблемы и не видишь себя со стороны, а сходишь на спектакль, особенно если пьеса хороша и труппа подобрана, то чувствуешь себя словно обновленным. В голове такие мысли появляются, до которых самостоятельно и не додумаешься.

– А не надо искать, Валентин, как провести вечер. Ощущение полноты жизни в том и заключается, что ты не думаешь, как провести время. Я считаю, человек должен больше уделять внимания тому, как он живет, как он зарабатывает на жизнь и как это отражается на его духовном и физическом состоянии, а не искать развлечений. К этому убеждению я пришел буквально год назад, еще работая в газете. Задался я тогда целью осветить проблемы ВИЧ-инфицированных в нашем городе и встретился с одним молодым человеком. Его рассказ сильно потряс меня, ему оставалось жить месяц, а может быть, чуть больше. И он тогда мне сказал: «Если бы я мог предполагать, какими духовными и физическими страданиями обернется для меня мое беспутное и неосмысленное поведение, беспорядочные связи и знакомства, то я бы лучше уехал в глухую деревню, в тайгу и жил бы один, затворником. Только сейчас я осознал, как здорово просто жить, наслаждаться солнцем, дышать, видеть это голубое небо. Мне осталось жить немного, и осознание этого меня просто разрывает на части. Мне никто и ничто не интересно. Целыми днями я стою у окна, смотрю на березки и думаю, что буквально через какой-то месяц я их уже не увижу».

За столом воцарилась тишина. Жанна очень внимательно, широко открытыми глазами, смотрела на Степана, как будто впервые увидела его.

– Знаете, Степан, – сказала Саша, – вы сейчас мне напомнили как раз доктора Астрова.

– Вполне возможно. Но я, скорее всего похож на Дядю Ваню. Работал за идею, ради всеобщего блага, хотя сомневался, и, как оказалось, все это пустышка. Тем, кто находился у власти, идея нужна была как средство удержания самой власти. Приложите к этому серебрянковское графоманство, и получите Степана Кочергина, – с некоторой долей актерства сказал Степан, а затем добавил: – Я вам хочу предложить нечто другое. Если вы в субботу не заняты, то можно съездить за город, к другу моего отца. Интересный человек, художник. Что может быть человеку интереснее, чем другой человек. Ну, как? Валентин, ты как в субботу, свободен?

– В субботу? – спросила Жанна, глядя в глаза Степану. Потом перевела взгляд на Александру и, улыбаясь, спросила ее: – Саша, ты в субботу свободна?

– До понедельника я абсолютно свободна! – уже не сдерживая смеха, ответила Саша.

– Вот с утра в субботу и поедем, – заявил Кочергин, сделав вид, что не увидел насмешки.

– Значит, следующее культурное мероприятие – поездка за город. Может быть, вы оглядите все культурную программу нашего пребывания в городе. А то как-то страшновато ехать в лес с едва знакомыми мужчинами вот так вот сразу, без подготовки.

– Нет, Саша, это будет не интересно. Заранее составить план и следовать ему скучновато, пожалуй, будет. Должна быть импровизация. Душа ведь не всегда желает следовать плану, к тому же, такого плана не существует в природе.

– Степан, а почему вы сказали, что спектакль в тему именно сегодня? – обернувшись к Степану, спросила Жанна.

– Это я имел в виду отношения Войницкого и профессора Серебрякова. У нас сейчас огромное количество ученых обществоведов, философов, политэкономистов, которые производят весьма сомнительные ценности, а люди в бараках живут. Я бы вообще в этих областях ввел плату за получение кандидатских и докторских степеней, хочешь быть кандидатом философских наук – плати пятнадцать тысяч и защищайся, а без защиты – тридцать; доктором политэкономии с защитой – все пятьдесят, а без защиты – сто тысяч. За тщеславие надо платить. Да еще налоги брать. Церковь же в свое время продавала индульгенции. Желаеть быть безгрешным – купи индульгенцию.

Сейчас что ни крупный чиновник, то доктор наук, ну, в крайнем случае, кандидат. Модно стало ученые степени иметь, а где их докторские и кандидатские работы находятся? Ты их попробуй, разыщи, что они там такого значимого в науке сотворили. Только сразу могу сказать, – не найдешь. Они пуце военной тайны охраняются. Хранятся где-нибудь в единственном экземпляре эти докторские и кандидатские, скорее всего, написанные каким-нибудь аспирантом за деньги. Пытался я как-то, еще в перестроечное время, найти печатные работы одного известного – все время светился на телевидении – доктора политэкономии, месяц потратил, и все впустую. Экономика разваливалась, на базе которой они свои научные труды кропали, а они процветали.

– Может быть, ты и прав, Степан, – сказала Жанна. – Да только сэкономленные деньги вряд ли будут использованы государством более эффективно. Я специализируюсь на ревизиях казначейств и очень хорошо знаю, как используются государственные деньги.

– Действительно, Степан, что это ты озаботился экономией бюджетных денег, – отпивая кофе, спросил Валентин и, поставив чашечку на стол, добавил: – Сколько бы в бюджет денег ни попало и как бы они ни распределились, нам-то все равно не достанется.

– Это точно. С такими мыслями хорошо повеситься..., если перефразировать Войницкого.

– Что за пессимистическое настроение, Степан? Давай с тобой по сто грамм коньячка хлопнем, и сразу настроение поднимется. – Валентин подозвал официантку и, сделав заказ, добавил: – Хорошее средство от пессимизма, и, кстати, проверенное практикой.

– Пессимистическое настроение, говоришь, а чему особо радоваться-то? Помните небольшой монолог Астрова во втором акте, где он говорит: «Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь, уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу, и презираю ее всеми силами моей души. А что касается моей собственной, личной жизни, то, ей-богу, в ней нет решительно ничего хорошего». У меня, когда слушал этот монолог, было такое ощущение, что это обо мне. Ну ладно, а то тоску на гостей только навожу...

Договорившись на субботу о поездке за город, они допили кофе и, расплатившись, двинулись домой.

Собрание учредителей газеты было назначено на два часа в офисе одного из учредителей. Так как Степан предварительно переговорил с каждым отдельно, то на этом собрании нужно было только соблюсти формальности. Собрание продлилось не более пятнадцати минут, учредительный договор был подписан без изменений, все сошлись на том, что газета будет называться «Новости бизнеса», распределение взносов и доходов определили в равных долях, С. П. Кочергина утвердили на должность главного редактора и назначили день выпуска первого номера.

Вторую половину пятницы Степан провел за составлением приблизительного тематического плана выпуска газеты. Ему хотелось охватить все сферы деятельности. Наметил он и журналистов, которых намеревался привлечь к работе.

В субботу рано выехать не получилось. Сначала у Валентина возникли проблемы с машиной, потом заехали в магазин за продуктами и почти час простояли у гостиницы, пока Жанна и Александра собирались. Степан сначала даже расстроился. Он любил ранее весеннее утро, его свежий бодрящий воздух, яркий желтый диск поднимающегося солнца и движение просыпающейся природы. Но когда они выехали за город и их взору открылся простор только что освободившихся от снега полей, от прежнего недовольства не осталось и следа. Степан был доволен и утренним разговором с Валентином. На вопрос, почему именно его Валентин выбрал для организации газеты, тот ответил: «А ты попробуй найти в нашем городе хорошего газетчика со своим мнением, да еще с характером. А мы с тобой давно знакомы. Я знаю тебя как ответственного человека, не забывающего добро. Ты сам знаешь, насколько важно иметь хорошие кадры, особенно на начальной стадии работы. Сейчас многое будет зависеть от тебя самого». Степану было приятно слышать мнение друга.

Ехать пришлось недолго. На двенадцатом километре свернули вправо и через несколько минут были на месте. Художник Михаил Игоревич был дома, встретил гостей радушно, видно, одиночество его тяготило, и ему хотелось общения. К Степану он относился по-отечески, любил его, как сына, и всегда был ему рад. У него самого детей не было. Жена умерла от родов еще в молодости. Он сильно любил ее и больше так и не женился. В середине 70-х годов, продав свою городскую квартиру, он купил этот домик лесника, чем был весьма доволен.

Дом располагался на взгорке, и поэтому вид из него был просто изумительным. Это в свое время и повлияло на решение о приобретении этого дома. Из большой комнаты видны были поля с небольшими перелесками и проходящая вдалеке автострада. Окна спальни выходили в сад, за которым с любовью ухаживал художник, несмотря на свои семьдесят с лишним лет. С веранды, которая была мастерской художника, открывался вид на лес, спускающийся к небольшой реке. Словом, место было прекрасное.

– Что-то ты, Степан, забыл старика, перестал приезжать. Когда был последний раз? Прошлым летом? – укорял Михаил Игоревич, обнимая Степана.

– Дядя Миша, последнее время закрутился. – Степан, повернувшись к стоящим рядом дамам, представил их дяде Мише: – Вот, принимай гостей..., это Жанна, а это, что все время улыбается, – Сашенька.

– Буду только рад..., а меня, как вы уже знаете, кличут Михаилом Игоревичем, можно просто дядя Миша, – ответил Михаил Игоревич.

– Давайте будем выгружаться, – предложил Валентин. – У нас сегодня будет великолепный стол, к тому же на природе.

– Жанна, как ты смотришь, если мы прогуляемся по лесу вон до той реки, – Степан показал рукой на речку.

– Степан, ты что, как всегда, убежать хочешь, а кто готовить будет?

– Валентин, не приставай. Ты же знаешь, что я кулинарными способностями не обладаю, вот тебе и карты в руки. К тому же у тебя есть сегодня прекрасная помощница, Саша.

– С удовольствием пройдуся, – улыбнулась Жанна. – А повар из меня тоже неважный.

– Идите, идите, – улыбаясь, сказала Саша, – мы справимся.

Лес почти весь состоял из берез, только местами зеленели ели. Березы стояли стройными рядами, видимо, это были посадки, сделанные лесником.

– Хорошо здесь, тихо, светло, и на душе так же. А какой удивительный этот старик, какой светлый у него взгляд, и душа, похоже, такая же светлая. Кто он?

– Я не так много знаю о нем. Предки его были известными в Москве купцами. В двадцатые годы их семью выслали в наш город, а в тридцатые почти всех расстреляли. Отец его чудом спасся. Но и его в 41-м забрали на фронт, и уже через три месяца пришла «похоронка». Сам дядя Миша окончил наше художественное училище, потом учился в Ленинграде. Вернувшись, преподавал в художественном училище, много написал картин. После разгона выставки художников-нонконформистов в Москве, при Хрущеве, был причислен к враждебному направлению, противоречащему социалистическому реализму, и уволен с работы. Подрабатывал тем, что оформлял на заводах красные уголки. Он талантлив и оригинален, но за всю жизнь не имел ни одной персональной выставки. Буквально совсем недавно вышел альбом с репродукциями его картин.

– Печально, сколько судеб переломано, загублено, и все ради чего? – Жанна смотрела в сторону реки. – А ты, почему один живешь? Видный, умный мужик, неужели женщину найти не можешь?

Степан с удивлением посмотрел на Жанну, он совсем не ожидал, что она заговорит об этом.

– А ты бы стала жить со мной?

– Я не знаю.

– Вот видишь, а ведь я тебя люблю. Да, да. Все последнее время только и думаю о тебе, влюбился, как мальчишка, места себе не нахожу. – Степан взял Жанну за руки и пристально посмотрел в глаза.

– Не надо, Степан. Ты милый, симпатичный человек, но мне кажется, ты совсем ребенок. С тобой надо возиться, ухаживать, жалеть, а я этого не хочу. Я со своим прежним мужем намаялась, и второй раз не хочу наступать на такие грабли.

– Значит, расчет. А как же чувство, любовь, все побоку?

– Любовь – это хорошо в семнадцать лет, а теперь больше думаешь о земном, обыденном. И потом, Москва, я даже представить себя не могу в каком-то Чуханске. Как ты-то тут застрял?

– Не всем же жить в Москве, – обиделся Степан.

– Степа, ты, пожалуйста, не обижайся, мы ведь взрослые люди и можем быть откровенными.

– Я не обижаюсь. Но я ложусь спать с мыслью о тебе и встаю с мыслью о тебе.

– Ты специально привез нас сюда, чтобы сказать мне это.

– Да!

– Давай будем возвращаться, а то они нас потеряют, и, пожалуйста, не торопи время, любовь не терпит суеты.

– Ты где в Москве живешь? Я ведь Москву хорошо знаю, – поднимаясь на взгорок, спросил Степан.

– На Черногрязской, недалеко от площади трех вокзалов.

– Мне нравится Москва. Раньше, когда выдавалась командировка в Москву, я обязательно просился. Больше всего любил гулять по вечерней Москве, вдоль набережной. Душа отдыхает.

– Знаешь, Степан, я в этом лесу хочу побывать, когда лес распухнет и травы поднимутся.

– Если приедешь, то обязательно побываешь. Жанна, у тебя в Москве, наверно, масса поклонников? Похоже, ты разбила не одно сердце? Ну-ка, сознавайся, – весело проговорил Степан и обнял ее за талию. – Пусть я буду еще одним поклонником твоей красоты.

– Степа, ты начинаешь задавать некорректные вопросы, а это уже плохой признак.

– Какая может быть корректность, когда я весь переполнен страстью. Каждая клеточка моего организма жаждет близости с тобой.

– Степа, – просительно проговорила, Жанна, – мы уже подходим к дому, держи себя в руках.

– Я тебя хочу держать в руках, а не себя, – громко сказал Степан и, повернувшись, как мальчишка, на одной ноге, запел:

В том саду, где мы с вами встретились,
Ваш любимый куст хризантем расцвел.
И в моей душе расцвело тогда,
Чувство нежное светлой любви.
– Ты, оказывается, любитель русского романса.
– Обожаю!

– Вот и наши туристы явились! – воскликнул Валентин, увидев выходящих к дому Степана и Жанну. – А стол давно накрыт. Мы с дядей Мишей уже пропустили по стаканчику, для поднятия настроения. Жанна, проходи на веранду, а ты, Степан, захвати сумку с вином из багажника.

Стол накрыли на веранде, где было просторней, чтобы всем хватило места. Шашлыки получились отменными. Особенно, если учесть, что поедались они на свежем воздухе и запивались хорошим вином. Валентин постарался от души и заслуженно принимал похвалы сидящих за столом.

Послеобеденное солнце заливало веранду, отражаясь в картинах, расставленных вдоль стен, и от этого казалось, что персонажи на картинах оживают, становясь участниками общей трапезы.

– Жанночка, – обратилась к ней Саша, – я тут, пока вы гуляли, посмотрела картины Михаила Игоревича, это что-то грандиозное! Мне кажется, если устроить выставку в Москве, это будет фурор. А сколько денег можно заработать, ведь в Москве уже давно сформировался слой достаточно богатых людей, интересующихся живописью.

– Саша, для этого необходимы большие деньги, – ответила Жанна.

– А может, с финансами нам поможет Валентин?

– Вы видели, на какой машине я езжу? Будь у меня достаточно денег, стал бы я ездить на этом ведре. Наш город нельзя сравнивать по доходам даже близко с Москвой. Там за день прокручиваются суммы большие, чем у нас за год.

– Вот так. За что ни возьмись, все упирается в деньги.

– Эх, Саша, Саша, – включился в разговор Михаил Игоревич. – Уж лучше в деньги, их все-таки можно заработать, а не в какого-нибудь чиновника или идеологию, как это было в наше время.

– Дядя Миша, – обратилась Саша к Михаилу Игоревичу. – Покажите, какую картину вы сейчас пишете.

– Да я, милая моя, сейчас почти ничего не пишу, глаза стали плохо видеть, и в руке твердости нет. Иногда возьму кисть, постою перед холстом, сделаю несколько штрихов и чувствую: не получится. Очень слаб я стал, а живопись требует большого напряжения сил.

– А как же вы один-то живете? – поинтересовалась Саша.

– Ко мне из соседнего хутора женщина ходила, где надо, приберет, белье постирает, покушать приготовит, но вот уже две недели не приходит. Тут давеча мальчик прибежал из хутора, говорит, что заболела. Но не это пугает. Кашу сварить или чайку я еще способен сам. Меня больше беспокоит судьба моих картин, сколько трудов в них вложено, сколько дум передумано и души отдано. Можно сказать – в них вся моя жизнь и весь мой опыт. Очень не хотелось бы, чтобы все это пошло прахом и не послужило людям. Раньше я все надеялся, что у тебя, Степан, появится интерес к моим работам, но, видимо, у тебя другое предназначение. Хотя сейчас и не до искусства, времена другие, все грызутся да делят имущество, будто собираются жить

вечно. Только я почему-то уверен, что и на картины придет спрос. Вот набьют брюхо, удовлетворят примитивные потребности, тогда и появится интерес к искусству.

– Давайте выпьем за дядю Мишу, – предложил Валентин. – У меня даже тост созрел: «За человека, сильного духом, который шел своей дорогой и не сворачивал с нее в угоду временщикам. Творил не ради славы и денег, а ради высокой истины духа; той истины, которая только и делает человека свободным!»

Никто не ожидал от Валентина такой пламенной речи. Все были несколько ошарашены его напором, а дядя Миша даже прослезился.

– Спасибо вам, молодые люди, большое спасибо. Утешили старика. Вы тут веселитесь – что еще молодости надо? А я пойду отдыхать. Устал я за день.

Дядя Миша встал из-за стола, попрощался со всеми и двинулся в спальню.

– Спокойной ночи, дядя Миша, – вслед ему сказала Саша.

Тихо и незаметно приблизился вечер. В окна веранды было видно солнце, заходящее за верхушки берез.

– Вы посмотрите, какая великолепная картина! – обратилась ко всем Жанна. – Жить рядом с такой красотой – это просто счастье!

– Жанна, ты просто давно не выезжала на природу, – уверенно сказал Степан. – Вот поживешь здесь месяц-другой и привыкнешь к этой красоте, тут тебе и захочется новых впечатлений. Человек неистребимо стремится к новым ощущениям, чувствам, впечатлениям, так как дух наш находится в непрерывном беспокойстве и деятельности. Если исходить из того, что человек стремится к счастью, то ему необходима непрерывная деятельность и смена впечатлений.

Они еще долго сидели за столом на этой чудной веранде, много говорили о жизни, о любви, о живописи, никому и ничего не доказывая и не опровергая. Познакомившись буквально вчера, они чувствовали себя давно знакомыми друзьями.

– Пора заканчивать посиделки. Мы с Сашей идем спать в дом, – глядя на Сашу, сказал Валентин, – а вам предоставляем веранду. Надеюсь, на диване, вдвоем, да еще под одеялом, вам не будет холодно.

«Как быстро Валентин умеет находить общий язык с женщинами, – подумал Степан. – Похоже, пока мы гуляли по лесу, они уже все решили».

– Я рассчитываю, что Жанна не даст мне замерзнуть в одиночестве, – произнес Степан, пристально глядя в глаза Жанны. Но лицо ее было непроницаемо, только в глазах были заметны веселые искорки.

Валентин и Саша ушли в дом. А Степан сразу почувствовал, как откуда-то изнутри стала подниматься горячая волна желания, она распространялась по всему телу, заполняя каждую клеточку. Степан не выдержал напряжения, встал и подошел к Жанне.

– Прости мою самоуверенность. Я совсем перестал соображать, – тихо произнес Степан и, обняв Жанну за плечи, стал страстными поцелуями осыпать ее лицо и шею.

– Подожди, подожди, Степа. Здесь есть, где ополоснуться? А то после машины и прогулки не совсем комфортно себя чувствую.

– Разве что в бане. Я отнесу тебя, – сказал Степан и подхватил Жанну на руки.

В кромешной темноте, держась за руки, они добрались до бани. Степан долго искал ручку двери, наконец, нащупав ее, открыл и шагнул в проем. Но второпях недостаточно наклонился и сильно ударился головой о косяк.

– Степа, сбавь темп, аккуратней....

Степан включил свет и помог войти Жанне.

– Дай я посмотрю, как там твоя голова... Ого! Еще не занимались любовью, а уже травмы имеются.

– Пустяки... до свадьбы заживет. Были бы мозги – получил бы сотрясение.

Степан сел на скамейку, привлек к себе Жанну и стал лихорадочно расстегивать кофточку.

– Подожди, Степа, я сама, – прошептала Жанна и легким движением скинула кофточку, а затем расстегнула и сняла джинсы. На ней осталась только узкая полоска бикини. Степан скинул кроссовки и брюки, встал и обнял ее, с наслаждением глядя грудь и целуя шею, затем рука его скользнула ниже, за резинку бикини. Желание его было максимальным, и, когда рука Жанны легко коснулась его, он вздрогнул, как от удара. Взяв Жанну за плечи, он наклонил ее чуть вперед и вторгся в нее, словно одержимый. Их движения походили на судорожное биение пойманных птиц. Возбуждение Степана достигло пика, сознание куда-то провалилось, господствовала только страсть.

– Еще, еще, еще, – бормотала Жанна, двигаясь ему в такт.

Горячая волна пошла по телу Степана. Казалось, вся сила и энергия, которые были в нем, стремились освободиться. Волна экстаза захлестнула обоих одновременно. Жанна выгнулась, стараясь прижаться как можно ближе, и издала глухой стонущий звук. Оргазм потряс Степана до глубины души. Его слегка трясло, и он, нащупав скамейку, медленно опустился на нее. С минуту они сидели молча.

– Степа, ты разбудил вулкан.

– Мне кажется, я же его и потушил.

– Всего лишь притушил, а где здесь вода?

Ополоснувшись прохладной водой и наспех вытершись полотенцем, которое прихватила Жанна, они вернулись на веранду.

– Одеяло теплое есть? А то, я чувствую, мы действительно замерзнем.

– В диване должно быть. Только вдвоем мы даже на Северном полюсе не пропадем, – сказал Степан, доставая одеяло.

Жанна, скинув кофточку и джинсы, быстро забралась под одеяло.

– Степа, ложись, а то мне холодно.

Степан не заставил себя упрашивать и, быстро раздевшись, нырнул в постель. Прижавшись, друг к другу, они молча лежали, прислушиваясь к пережитым ощущениям. Степан прислушивался к ровному дыханию Жанны и биению ее сердца. В какой-то момент он вновь почувствовал идущее из глубины возбуждение. Он привлек Жанну и стал целовать ее лицо, пытаясь поймать ее губы. В ответ Жанна чмокнула его в губы и, отстранившись, проговорила:

– Все, Степа, будем спать.

– А как же вулкан?

– Вулкан потушить невозможно, тем более за один вечер. Ты случайно не сексуальный террорист?

– А я чувствую, что способен на это, и желание огромное, – прошептал ей на ухо Степан и опустил руку на еще влажные волосы ее лона. Он не мог больше просто лежать. Приподнявшись на руке, он повернул Жанну на спину и, раздвинув ноги, легко вошел в нее. Она ответила движением навстречу.

Теперь их движения были более спокойными и размеренными. Возбуждение все нарастало. Неожиданно Степан выгнулся, словно через него пропустили ток, замер и, выдохнув, почти упал на постель...

Разбудил их Валентин. Ворвавшись на веранду, он уже с порога начал отпускать шутки.

– Ну что, голубки, нацеловались, похоже, всю ночь друг другу спать не давали. Пора и вставать, а то так и без обеда в город уехать можно.

– Все, сейчас встаем, – потягиваясь, сказал Степан. – А Саша встала, или ты ее замучил до смерти?

– Когда уходил, вроде бы дышала.

– Иди ее буди, а мы сейчас встаем.

Через полчаса они все сидели за столом, и пили ароматный чай. Настроение было чудное. Валентин все шутил и смеялся. Степану совсем не хотелось возвращаться в серый город, где придется решать множество мучительных проблем, отвоевывать место под солнцем и защищать свое достоинство. Хотелось просто жить и радоваться жизни рядом с любимой женщиной и милыми сердцу друзьями.

– Добрый день, молодые люди, – входя на веранду, поприветствовал всех дядя Миша. – Я вам тут вишневого варенья принес полакомиться

– А вы, дядя Миша, рано встаете? – поинтересовалась Саша.

– Рано..., какой у старика сон, если полночи ворочаюсь, чуть-чуть подремлю и с рассветом встаю.

– Что же, погостили, пора и честь знать, – поднимаясь из-за стола, сказал Валентин. – Мне сегодня после обеда необходимо быть в городе. Так что собирайтесь, гости дорогие.

Все стали собираться, прощаясь с Михаилом Игоревичем. Они отъехали, а дядя Миша долго еще стоял и смотрел им вслед.

Вернувшись в город, Степан взялся за подготовку материала для газеты. Он прекрасно осознавал важность первого номера. Чуханцы должны увидеть, что новая газета со своей позицией, а не очередной рупор администрации города. Первый номер газеты намечено выпустить уже на этой неделе, а работы оставалось еще много. На понедельник было назначено заседание редакции по обсуждению материалов для первого номера.

Итак, первая страница: редакторская колонка о целях и задачах газеты, плюс анализ бизнеса в городе; вторая: взаимоотношения бизнеса и власти; третья: обзор рынка жилья; четвертая: беспредел органов милиции и новости биржевых торгов.

В понедельник в десять часов утра в полуподвале одного из зданий по улице Чуханогвардейской собрались члены редакции газеты «Новости бизнеса». Присутствовали все члены редакторского коллектива, начиная от главного редактора С. П. Кочергина и кончая бухгалтером О. Ю. Птичкиной.

Сама редакция газеты расположилась в двух небольших комнатах полуподвального типа с маленькими окнами, расположенными на уровне земли. В большой комнате стояли шкаф и три стола, на одном из которых находился компьютер и телефон. Другая комната была совсем маленькой, в нее с трудом вошли два небольших стола и стеллаж для бумаг. Здесь был стол главного редактора и его первого заместителя, Игоря Андреевича. Комната была оклеена серыми обоями с непонятными разводами. На стене висела картина, на которой, по рассказам прежних арендаторов, изображены основатели города Чуханска. Основатели были одеты в крестьянскую одежду, в руках у них были различные орудия труда, рядом играли дети, а за их спинами виднелся лес и острог. Из комнат двери вели в маленький коридорчик, где стоял потертый диван и пепельница, больше напоминающая уличную урну.

Собрание открыл главный редактор С. П. Кочергин. По поводу начала работы он произнес целую речь:

– Уважаемые коллеги! Нам предстоит историческая роль. Мы должны своим словом разбудить общество от спячки, вернуть людям чувство собственного достоинства, дать человеку надежду на справедливость в этом городе, насквозь пропитанном ложью и подлостью. Наша задача – сплотить вокруг газеты честных и добросовестных граждан, помогать им отстаивать свои права...

Он говорил минут десять, пламенно и романтично, словно призывал всех сразу после выступления бежать на баррикады. Но в его выступлении не было практической направленности. Именно это расстроило всех присутствующих на собрании, кроме разве что специалиста по верстке и оформлению Людмилы Акимовны Щепиной.

– Если нам будут хорошо платить, то я готов работать за идею, – высказал свое мнение специалист по программному обеспечению Иван Круглов.

– Иван прав, но я бы хотела точно знать, на какие средства мы будем существовать, – спросила Василиса Павловна Содомская, ответственная за блок деловой информации.

– На первое время нам помогут учредители, но мы должны буквально в течение месяца, максимум двух, стать прибыльным предприятием, – ответил Кочергин.

– Значит, наше предприятие будет существовать два месяца, – мрачно предрек компьютерный гений Круглов.

– Не торопись хоронить, Иван, – вступил в разговор Игорь Андреевич Помяловский. – Будем зарабатывать на рекламе, тем более скоро выборы в мэры, а ты сам знаешь, что на выборах можно хорошо заработать.

– Я попрошу всех, уважаемые коллеги, настроиться на работу самым серьезным образом, – снова взял слово Кочергин. – С завтрашнего дня обычный рабочий день, все должны придти к девяти часам без опозданий.

Пообещав Оксане Юрьевне персональный компьютер и, попрощавшись с новыми работниками редакции, Степан остался в редакции и до позднего вечера провозился с материалами для газеты.

Глава 5. Время великих перемен

Во вторник мэра города Чуханска Сергея Сергеевича Пупкова охватил административный восторг. Он всегда был щедр на реформы именно по вторникам, особенно если в понедельник за ужином съедал цыпленка, фаршированного чесноком. Среду же он посвящал составлению указов и постановлений. И в этот вторник Сергей Сергеевич не изменил своим правилам. Пройдя в кабинет, он сразу дал указание секретарю Кларе Сливовне собрать в зале для совещаний всех своих заместителей и главных специалистов.

Ровно в девять тридцать мэр твердым и решительным шагом вошел в зал и прошествовал к трибуне и по тому, как он шел, сидящие в зале почувствовали, насколько он решительно настроен на великие свершения.

Сергей Сергеевич любил выступать с этой трибуны. Уверенно стоя за ней, он представлял себя великим оратором. Трибуна была изготовлена в лучших традициях коммунистического правления: из красного дерева, просторная и величественная, с гербом на лицевой стороне. Герб был тоже замечательный, просто произведение искусства. Он имел собственную, весьма преинтересную и поучительную историю, продолжающуюся почти два года.

Граждане Чуханска жили, ходили на работу, любили, ругались, в общем, занимались своими повседневными делами и не подозревали, какую важную роль в их жизни занимает герб. Но, в один прекрасный день, демократическая общественность Чуханска в лице известного борца с тоталитаризмом Кирилла Горемыкина решила, что дальнейшее существование при старом гербе невозможно и необходимо срочно разработать и принять новый, который бы объединил все прогрессивное население города. Полгода Горемыкин простоял у здания мэрии с плакатом, призывая мэра и депутатов вынести вопрос о гербе на суд общественности. Скорее всего, Горемыкин стоял бы там и до сих пор, но ожидался приезд высокой комиссии из Москвы. Поэтому срочно было принято решение вынести данный вопрос на обсуждение Думы. На заседании Думы выяснилось, что каждый депутат имеет на этот счет свое мнение, и то, какой будет герб, волнует не одного Горемыкина. Депутаты по вопросу о гербе много спорили, одни предлагали орла с болтом в когтях, другие льва вверху и шестеренку внизу, третьи медведя с бочкой меда, четвертые рыцаря, убивающего дракона... Все переругались, а некоторые даже, как рассказывают очевидцы, подрались. Но, в конце концов, было принято соломоново решение, – поручить разработку герба группе художников во главе с главным архитектором города. На том и порешили.

Группа, проработав всего три месяца, распалась, так как не смогла прийти к единому мнению. Художники, которые до работы над гербом были друзьями, стали непримиримыми врагами. Главный архитектор попал в больницу с гипертоническим кризисом, где пролежал два месяца.

По городу стали распространяться слухи, что мэр решил навязать горожанам какой-то сатанинский герб, который может сгубить всех. Наконец люди не выдержали и вышли на демонстрацию с требованием вынести вопрос о гербе на суд общественности. Самых различных вариантов герба поступило столько, что вновь созданная комиссия, так и не сумевшая выбрать окончательный вариант, запуталась окончательно. События вокруг герба стали выходить из-под контроля мэрии и грозили перерасти в беспорядки.

Тогда сам С. С. Пупков взял первый, подвернувшийся под руки проект герба, где был изображен рыцарь на коне с шестеренкой в одной руке и копьем, больше походившим на бильярдный кий, в другой – этим кием рыцарь поражал змея, похожего на пожарный шланг, – и поехал к настоятелю церкви. Объяснив настоятелю всю ситуацию, С. С. Пупков показал привезенный эскиз и попросил объявить горожанам, что у него было божественное видение, и что именно такой герб ему привиделся. На следующем богослужении настоятель

рассказал прихожанам о своем божественном видении, а те не замедлили все это сообщить своим согражданам. Буквально на следующий день в городе не было человека, который бы не знал о божественном видении настоятеля. На ближайшем же заседании Дума утвердила предложенный герб.

Взойдя на трибуну, Сергей Сергеевич отпил из стакана воды и начал свою историческую речь.

– Господа! – (Это новое обращение к работникам администрации города ввел сам С. Пупков.) – По всей стране идут реформы, а у нас, как в болоте: тишь да гладь, а в действительности – бардак. Никто и ни за что не отвечает, но все при деле. Все оклады получают, и ведь никто не придет и не скажет, что необходимо сделать, какие проблемы населения необходимо срочно решать...

Зал замер, слушая, как легко и свободно из уст мэра изливается поток слов. Выступления Сергея Сергеевича всегда было значимым событием. Никто в администрации города, кроме Сергея Сергеевича, естественно, не мог так долго и при этом весьма логично строить свою речь. Что интересно, Сергей Сергеевич сам никогда не писал речей и тем более не читал написанных. Его выступления – это всегда экспромт, наполненный невообразимыми оборотами речи, просторечными выражениями, красочными сравнениями, невероятными преувеличениями, сомнительными утверждениями, ссылками на несуществующие авторитеты и приписывание этим авторитетам высказываний, которых они никогда не произносили.

– Завтра, – продолжал свою речь мэр, – мной будет подписан указ о создании девяти новых комитетов по контролю над: городской торговлей, строительством жилья, перевозками пассажиров и грузов, чистотой в городе, распределением социальной помощи, ночными дискотеками, нравственностью, потреблением чистой воды, использованием канализации. При этом каждый комитет в лице своих руководителей будет наделен самыми широким полномочиями и обеспечен достаточным количеством финансов. Руководители комитетов будут иметь в своем распоряжении служебный автомобиль и за проделанную работу отвечать непосредственно передо мной. Каждому руководителю комитета разработать для своих подчиненных инструкцию с подробным перечислением их прав и обязанностей, а также план работы на год вперед. А теперь Клара Слимовна, – обратился он к своему секретарю, – подойдет с шапкой, в которой лежат бумажки с названиями комитетов, к главным специалистам, и кто какой вытянет, тем комитетом ему и руководить. После обеда всем руководителям комитетов зайти ко мне для получения конкретных указаний.

Сергей Сергеевич еще раз отпил из стакана воды и решительным шагом вышел из зала. Уже через десять минут с чувством выполненного долга Пупков отбыл домой на обед.

В этот пригожий весенний день, впрочем, как и во все остальные, все работники государственных структур власти были заняты серьезной и важной работой. Прокурор города изучал новый свод законов. Изучал он его не торопясь, периодически отвлекаясь на телефонные разговоры, поглядывая в окно, разговаривая с секретарем о предстоящем празднике и летнем отпуске. Да и куда было спешить? Два предыдущих кодекса он так и не дочитал до конца, а их уже отменили. Может быть, и этот кодекс не стоит торопиться дочитывать.

Пожарные уже десятый раз выезжали на обследование вновь открывающегося магазина, и каждый раз обнаруживали недостатки, не позволяющие подписать разрешение на открытие. У хозяина магазина все время не доставало денег, чтобы выявленные недостатки перестали препятствовать открытию магазина.

Главный санитарный врач вместе с комиссией в пятый раз проверял соблюдение санитарных норм в кафе «Жемчужина», а его заместитель – наличие санитарных книжек у продавцов на рынке. Транспортная инспекция совместно с ГИБДД проводила рейд под названием «Авто-

бус». Водителей автобусов частных предприятий ловили по всему городу и нещадно штрафовали.

Налоговая инспекция выискивала неплательщиков и отсылала в их адрес письма с угрозами. Арбитражный суд разбирал спор между двумя лоточницами рынка – кому принадлежит лоток. Таможенные служащие придумывали для граждан новые схемы начислений за перевозимый через границу товар. Таможенники давно бились над тем, чтобы увеличить поступления в казну и при этом не обидеть себя. Одному особенно дотошному гражданину на его запрос было объяснено, что ему не стоит так огорчаться по поводу высоких таможенных сборов, так как таможенные сборы берутся не с него, а с товара, пересекающего границу...

В общем, все служащие государственных и муниципальных органов добросовестно, с огоньком и смекалкой, исполняли свои служебные обязанности. Их деятельность, правда, не укладывалась в рамки классической политэкономии, то есть они не производили каких-либо продуктов для обмена, хотя внутри их организмов обмен шел и продукты выделялись. Старик Маркс предполагал, что производители вступают в общественный контакт между собой лишь путем обмена продуктов своего труда и что общественный характер их частных работ проявляется только в рамках этого обмена, и жестоко ошибался. Деятельность наших государственных служащих уже обладает общественной значимостью, в зависимости от должности, и поэтому им не нужно никакого обмена. Они успешно обменивают на продукты труда свое расположение и покровительство. Разве могут сравниться какие-то жалкие продукты вашего труда с покровительством, например, главного санитарного врача или с расположением работников транспортной инспекции? Да никогда! Как поется в известной песне: «Жить надо не по учебникам».

Иногда дома или в кругу близких друзей какой-нибудь государственный служащий пожалуется, что ему мало платят за его самоотверженный труд, но тут же лицемерно добавит, что и за эту небольшую плату готов трудиться на благо Отечества. Я бы лично таким беззаветно преданным государственным служащим сразу давал ордена и премию в размере годового оклада, никак не меньше. К сожалению, не все граждане в городе Чуханске готовы были жертвовать своими интересами ради Отечества. Например, врачи и учителя настырно требовали выплатить им заработную плату за шесть прошедших месяцев и даже прислали своих представителей в мэрию. Эти представители, не проявив никакого уважения к работникам мэрии, заявили, что если в течение недели не получают своих денег, то объявят бессрочную забастовку.

Никак и ни на кого не хотели работать и нормальные «пацаны» из объединения «Жертвы всех войн и несчастных случаев» да еще ребята из «Политического объединения туристов» (сокращенно – ПОК). У них выработалось стойкое неприятие к труду. Может быть в результате коммунистической пропаганды, безгранично прославлявшей рабский труд, а может, они были не способны к какому-либо труду вообще. Не будучи знатоками Библии, они и не знали, что Господь проклял Адама и выслал его из сада Эдемского, чтобы он – а в его лице и все человечество – возделывал землю и в поте лица зарабатывал хлеб насущный. Соответственно и не могли логически проследить, что трудиться в поте лица он стал после того, как вкусил от дерева познания и стал равным богу в понимании добра и зла. Тем более что им и без трудов перепали различные блага жизни благодаря их организованности и внушительной мускулатуре. Но Бог велик и милостив, и ради получения божьих милостей все городские священнослужители творили молитву во славу Божью.

Организовались же все объединения в период перестройки, а точнее, в период раздела государственной собственности. Чиновникам было не до народа, хотелось успеть ухватить как можно больше собственности. «Жвиновцы», так называли в городе членов организации «Жертвы всех войн и несчастных случаев» – и «поковцы» создали свои организации по образу и подобию самого государства. А зачем было голову ломать? Тем более что другого примера

перед глазами не было. В каждой организации имелись свои первые руководители, круг приближенных, которые непосредственно проводили волю первого лица, боевики, охраняющие территорию от вторжения противной стороны и покушения на первых лиц, а также умиротворяющие непокорных, сборщики дани, то есть – налогов, смотрители рынков, ну, и сам народ, невольно оказавшийся на их территории. В период формирования и хаотичных наскоков друг на друга обе организации выстроились в определенную структуру, набрались опыта, поделили город вместе с народом между собой и стали насаждать свои порядки.

Эти порядки, то есть выстраивание системы взаимоотношений власти и народа, по большому счету они скопировали с существующей системы правления, но в ее первоначальном виде, можно сказать, – первородном. Никакой бюрократии, никакого бумаготворчества, все строится на живом непосредственном общении с народом, ответная реакция мгновенная. Если кто-то не заплатил дань, то обстоятельства будут выяснены в тот же миг. Если плательщик упорно не желает платить, то наказание последует непременно. Они действуют точно так же, как действовали большевики сразу после прихода к власти. Правда, в более ограниченном, более узком пространстве, так как не хватало смелости и широты для борьбы с существующей системой власти.

На данном этапе общественной жизни существование этих «правнуков» большевиков согласна терпеть, и терпит самая одряхлевшая и погрязшая в бюрократии и коррупции власть. Иногда представители власти не просто терпят, но и оправдывают действия организованных преступных группировок, которые, якобы необходимы для контроля над неорганизованной преступностью, и получается, что они работают вместо милиции. А иногда представители власти обращаются за поддержкой к криминальным авторитетам, напоминающим партийных боссов периода правления Брежнева. Но это не двоевластие, а разделение полномочий. Старая, одряхлевшая система власти, утратившая авторитет и не способная удерживать и контролировать все общество, позволила молодым, энергичным и наглым стричь народ не в ущерб себе. Поэтому борьбы за власть между ними нет, и не будет. Они уже вступили в союз, так как близки по духу и разделили сферы влияния.

Утром у входа в редакцию Степан увидел поджидавшего его мужчину среднего роста, в сером плаще и такого же цвета кепке, с портфелем в руках.

– Вы будете, Степан Петрович Кочергин? – спросил он низким с хрипотцой голосом.

– Да, – ответил Степан, внимательно разглядывая мужчину, как бы пытаясь понять, что этому типу от него надо.

– Я начальник ЖКО, на балансе которого находится это здание, – и он указал рукой на здание, в котором располагалась редакция газеты, – Тимофей Карлович Бугров.

– Чем обязан такому вниманию с вашей стороны? – поинтересовался Степан, хотя, наученный горьким опытом, сразу понял, что человек пришел вымогать деньги.

– Я знаю, что у вас есть договор с городским комитетом по управлению госимуществом, но нам необходимо заключить с вами договор на уборку придомовой территории, вывозку мусора, ну и вообще на коммунальные услуги, – протараторил Тимофей Карлович.

– У нас ведь есть договор с ЖКО на коммунальное обслуживание, – удивленно глядя на Бугрова, заявил Степан.

– Вы меня не поняли, – растягивая слова и глядя как бы за спину Степана, проговорил Бугров. – Расположение вашей редакции не нравится жильцам этого дома. Предприятие шумное..., будут ходить люди..., машины во дворе оставлять..., и потом, люди опасаются, что может террористический акт произойти. Жильцы могут выступить с требованием закрыть вашу редакцию.

– Хорошо. Я вас понял. Скажите откровенно, сколько хотите, – напрямую спросил Степан.

– Работы много, – снова замычал Бугров, растягивая слова. – Не каждый возьмется за такую работу, и еще необходимо успокоить жильцов, то есть поработать придется с каждым индивидуально.

– Сколько? – не выдержав этой тяготины, раздраженно спросил Степан.

– Ну, скажем, тысяча рублей в месяц меня бы устроила, – уже более радостным голосом ответил Бугров.

– Так и быть. Будете получать свою тысячу рублей в конце каждого месяца, – согласился Степан, боясь, что лишние проблемы в период становления могут загубить все дело.

– Сразу видно делового человека, – отметил довольный Тимофей Карлович.

Уже сидя за своим столом, Степан почувствовал неприятный осадок от общения с этим Карловичем и с раздражением подумал: «Ходит вот такая серая мышь и вымогает у порядочных людей деньги, пользуется своим служебным положением».

– Степан Петрович, вы чай будете? – заглянув в комнату, поинтересовалась Людмила Акимовна. – Вы знаете, этот Круглов какой-то ненормальный, только о деньгах и говорит, и все повторяет и повторяет, что больше месяца мы не продержимся.

– Людмила Акимовна, – прервал ее Кочергин. – Давайте будем работать и меньше говорить друг о друге. Я надеюсь, вы меня правильно поняли?

– Я все прекрасно поняла, – смущенно ответила Людмила Акимовна и вышла из комнаты.

Степан взял телефон и стал набирать телефон Жанны. Он с самого утра хотел с ней поговорить.

– Алло... я вас слушаю... – раздался знакомый голос.

– Скажите, пожалуйста, вы знакомы с неким гражданином Кочергиным Степаном Петровичем?

– А кто это спрашивает? – спросила Жанна. Похоже, она не узнала Степана.

– Это следователь из милиции, старший лейтенант Чупкин.

– А вы можете сказать, в чем, собственно, дело?

– Он обвиняется в изнасиловании одной очень красивой девушки, – уже не сдерживая смеха, проговорил Степан.

– Степа, ну ты меня разыграл, а я еще вчера ждала твоего звонка.

– Жанна, давай сегодня встретимся.

– Я согласна.

– Тогда в девятнадцать часов на площади Красных борцов за демократию. Ты знаешь, где это находится?

– Знаю, я там уже была.

– Ну, давай... до вечера, и без обмана.

Положив трубку, Степан встал и прошел в соседнюю комнату, чтобы успокоить себя, так как даже по телефону разговор с Жанной привел все его чувства в смятение. Все сотрудники были заняты работой.

– Игорь Андреевич, – обратился он к Помяловскому, – первые материалы уже подготовлены к печати. Занесите мне их, пожалуйста.

Оставшуюся часть дня Степан просматривал материалы, созванивался и договаривался с типографией, звонил учредителям и просил выделить денег на бумагу. К концу дня, удовлетворенный тем, что все удалось уладить, он отправился на встречу с Жанной. По пути Степан купил букет роз. Ему захотелось сделать Жанне приятное, да и деньги имелись в наличии. Вчера он выписал аванс в половину установленного оклада и чувствовал себя состоятельным человеком. Он давно уже не держал в руках столько денег и вел очень скромный образ жизни, перебиваясь случайными заработками. Может быть, для кого-то эта сумма денег и была мизерной, но для Степана это были деньги. «Хорошо, когда занимаешься любимым делом, а тебе еще за это деньги платят», – подумал он.

Жанну он увидел издали. Она сидела на скамейке в скверике, прилегающем к площади, и просматривала журнал. Проходящие мимо мужчины с интересом посматривали на нее. «Действительно, есть на что посмотреть», – залюбовавшись девушкой, подумал Степан.

– Привет. Что читаем? – подойдя сзади, спросил он.

– Привет, – ответила, вставая со скамейки и улыбаясь, Жанна. – Просматриваю местную прессу.

– Это тебе, – протягивая розы и несколько смущаясь, произнес Степан.

– Спасибо... Очень красивые. Мне давно уже никто не дарил розы.

– Ты хочешь сказать, что тебе обычно дарят бриллианты, машины или счета в банке?

– Ну, зачем ты так, Степа? Ведь так хорошо начал.

– Извини, я не хотел тебя обидеть, – сказал Степан и, подойдя ближе, обнял ее за плечи.

– Степа, я здесь, пока тебя ждала, вычитала, что сегодня вечером в ночном клубе «Чарка» выступает местная рок-группа «Планета икс». Давай сходим, послушаем. Обожаю провинциальные рок-группы... они такие смешные, такие непосредственные.

– А что? Идея! Гулять – так с музыкой. Ловлю такси, и считай, что мы уже в клубе, – воскликнул Степан. – Тем более что я сам еще не был там ни разу.

Ночной клуб «Чарка» находился недалеко от центра города, в бывшем помещении профессионально-технического училища. Здание было неказистое, с длинными прямоугольными окнами, с бетонным навесом над входом, на котором висела огромная, подсвечиваемая прожектором вывеска с танцующей женщиной и названием клуба. Хозяин клуба Иосиф Сейфович Цукерман выкупил его за пять тысяч кирпичей для дома С. С. Пупкова через комитет по управлению госимуществом во времена своего председательствования. Привез из Москвы известного дизайнера, который все полностью переделал по последней моде. Теперь здесь были самый популярный в городе ночной клуб и ресторан, в котором часто выступали различные рок-группы, певцы, пародисты, как местные, так и гастролирующие. В клубе работали и стриптизерши, отобранные на различных конкурсах красоты самим Цукерманом.

Гвоздем программы сегодняшнего вечера была местная рок-группа «Планета икс», приводившая своими выступлениями чуханскую молодежь в состояние безумия, а это было, похоже, то состояние, к которому она и стремилась.

Заплатив за вход по двести рублей и, проследовав мимо бритых бугаев, исполняющих роль охранников, Жанна и Степан прошли внутрь здания и оказались в просторном холле. Первое, что они увидели, – это статуя Будды прямо напротив входа. Над лестницей, ведущей вверх, в кабинет хозяина клуба, висели массивные часы в резной деревянной оправе. Направо от гардероба широкий коридор вел в ресторан, а в левой части здания, в бывшем производственном цехе, размещался зал ночного клуба со сценой, выступающей почти до середины зала. Интерьер был выполнен в духе таинственного и мрачного средневековья, с огромной люстрой посередине, напоминающей корону английских королей. Стены были отделаны натуральным деревом и камнем и украшены скрещенными мечами, а деревянные балки и столбы искусственно состарены. В зале стояли массивные столы, изготовленные по специальному заказу, и такие же стулья. На противоположной от сцены стене, в большом проеме, стоял рыцарь с алебардой.

Степан и Жанна прошли в зал и заняли столик, указанный в билете. Вокруг сидели вызывающе одетые девицы и молодые, коротко стриженные парни, все, как один, одетые в кожаные пиджаки, и потягивали пиво.

– Степа, а мне здесь нравится. Сюда стоило прийти только ради того чтобы посмотреть интерьер, – оглядывая зал, сказала Жанна.

– Да, оформлено со вкусом. Первые полгода после открытия горожане только ради этого и ходили сюда. А почти все квартиры и загородные дома местных бизнесменов и чиновников

отделаны в таком же духе. Директор металлургического завода только на изготовлении мечей заработал целое состояние.

– Что будете заказывать? – спросила, глядя на Степана, подошедшая к столику молоденькая девушка в короткой юбке, белой блузке и голубом фартучке.

– А можно посмотреть программу на вечер? – попросила Жанна.

– Программа есть, но она держится в секрете. У нас в клубе так принято, – ответила официантка.

– А меню у вас тоже держится в секрете? – улыбаясь, поинтересовалась Жанна.

– Я могу назвать то, что у нас имеется, – переводя взгляд на Жанну, сказала официантка.

– Степан, я есть не хочу.

– Принесите нам бутылку хорошего сухого вина и фрукты, – заказал Степан.

Вдруг верхний свет потух, сцена осветилась софитами, заиграла легкая ритмичная музыка, и на сцену вышли танцовщицы в прозрачных одеждах. Он пытались изображать страсть, ритмично взмахивая руками и двигая в такт музыке бедрами и животом. Их танец продолжался довольно долго и начинал навевать скуку. Вдруг так же неожиданно музыка прекратилась, и девушки удалились со сцены. На сцену выскочил молодой человек в разрисованной майке с микрофоном в руке и истошно закричал: «А теперь сюрприз: живая музыка, живой звук и живой исполнитель. Группа „Планета икс“ приветствует вас!» Зал взорвался громом приветственных криков и аплодисментов. На сцене появились четыре молодых человека, одетых, как панки, и сразу начали играть, а конферансье снова завопил: «Встречайте, самая популярная и любимая группа „Планета икс“ сегодня исполняет только для вас!» Зал снова взорвался криками и аплодисментами. Степан наклонился к Жанне и громко сказал:

– После такого развлечения неделю чумной ходить будешь.

Жанна улыбнулась в ответ, кивнула головой и так же громко сказала:

– И все-таки давай послушаем.

Резко забухала бас-гитара... Ей так же резко и отрывисто ответил синтезатор, заныла и застонала соло-гитара. Юнец с нечесаными волосами широко расставил ноги и, наклонившись в зал, стал громко выкрикивать: «Среди ублюдков шел артист, в кожаном плаще мертвый анархист. Крикнул он: „Хой, челюсти долой!“ Трупов вел он за собой...» При этом юнец скакал по сцене, как горный козел, и дергался, словно эпилептик. Вторая песня была в том же ритме и с подобным текстом: «В шуме воды мне слышались чьи-то шаги. Я у себя упыря на пороге увидел. В правой руке держал он бутылку вина...» Юный исполнитель с таким ожесточением произносил слова, как будто отдавал команды. Возле самой сцены группа молодых парней и девушек самозабвенно танцевала непонятный танец, а некоторые еще и подпевали.

Музыканты исполнили еще четыре песни. Степан уже не различал слов, а слышал только сплошной шум, похожий на звук реактивного двигателя. После окончания каждой песни весь зал гремел и сотрясался так, словно через него пробегало стадо ревущих слонов. У Степана заболела голова, и ему захотелось поскорее убежать от этого угнетающего шума. Наконец музыканты ушли на перерыв. Степан, низко наклонившись к Жанне, громко сказал, так как не слышал своего голоса:

– Я уже основательно отдохнул, может, нам уйти?

– Подожди еще самую малость, вот-вот начнется новый номер, – попросила Жанна.

Степан ее не расслышал, но просьбу понял, прочитав скорее по губам. Свет снова притух, и в свете софитов появилась полуобнаженная девушка с развитым бюстом и стройными ногами. Она томно двигала руками, вращалась, запрокидывая голову, вокруг металлического шеста, раздвигала ноги и крутила задом, пытаясь, все свои действия согласовывать с ритмом играющей музыки. Покружившись с минуту, девушка скинула бюстгальтер и начала усиленно трясти грудью. Зал завыл и затопал. Затем она упала на сцену и стала стягивать трусики, извиваясь, как рыба.

Степан наклонился к самому уху Жанны и умоляющим голосом попросил:

– Давай уйдем. Я уже не могу смотреть на это зрелище.

Жанна, не говоря ни слова, встала, и они, лавируя между столами, стали пробираться к выходу.

– Ух! – облегченно выдохнул Степан, когда они оказались на улице. – Бал здесь правит сатана. Поехали ко мне домой.

– Приглашаешь? – глядя в глаза Степану, спросила Жанна.

– Умоляю!

– Тогда лови машину.

Степан махнул рукой проезжающим «Жигулям». Машина резко затормозила.

– На улицу Промышленную за сто рублей довезешь?

– Садитесь, – сказал водитель.

Как только они сели в машину, водитель резко рванул машину с места и помчался, не разбирая колдобин, как будто за ним гнались черти.

– Вы куда-то торопитесь? – поинтересовался Степан.

– Нет. Куда мне торопиться за полночь?

– Может, вы гонщик? – уточнил Степан.

– Нет, просто привык так ездить. У нас в городе, если будешь ползать, ничего не заработаешь, одни расходы будут.

– Давайте все-таки поспокойнее. Хотелось бы доехать живыми и здоровыми, – попросил Степан водителя.

Через двадцать минут они уже входили в квартиру Степана.

– Вот так я и живу, – смущаясь и испытывая неудобство за свою пустую и неуютную квартиру, сказал Степан.

– Ты живешь по-спартански, и это мне нравится, а главное, есть диван и стол. Что еще для счастья творческому человеку надо, и не смущайся, пожалуйста, не старайся выглядеть другим, – проговорила Жанна, взглядывая в глаза Степану, и, сделав паузу, добавила: – Тебе стоило бы смущаться не пустой квартиры, а набитой всяким барахлом.

– Спасибо. Только у тебя, я думаю, квартира упакована по полной программе, со всевозможными уютными уголками для неги и отдыха.

– Я женщина, и мне простительно.

Степан прошел на кухню, достал из холодильника вино и сыр, взял стаканы и вернулся в комнату.

– Вот все, что у меня имеется, – ставя на стол бутылку и стаканы, сказал он.

– У тебя имеется кое-что более ценное, но ты это скрываешь, – улыбаясь, проговорила Жанна.

– Не мне судить и оценивать.

– Я уже оценила по достоинству.

Степан разлил вино и нарезал сыру.

– О, я вижу, у тебя есть музыкальный центр, а мы сидим без музыки.

– Это единственная ценная вещь в этой квартире. Остатки былой роскоши. Что бы ты хотела послушать?

– Что-нибудь спокойное, можно из классики.

– Тогда будем слушать Свиридова, или давай я поставлю Шопена – «Мазурку», – перебирая компакт-диски, предложил Степан.

– Лучше Свиридова, и хорошо бы – «Метель».

Степан поставил нужный диск, и по комнате разлилась прекрасная мелодия, несколько таинственная и напряженная.

– Ты чувствуешь, какая большая разница между тем, что мы слушали в ночном клубе, и что звучит сейчас. И как по-разному она действует на людей – там подавляет, изматывает, истощает; а эта одухотворяет, возвышает, склоняет к размышлениям. Вообще, я бы хотел заняться изучением воздействия музыки на сознание человека. Это такая богатая почва для творчества.

– Степа, какой ты неисправимый романтик. Стоит только убрать «если бы» да «кабы», тогда все само собой и решится.

– Жанна, перестань издеваться. Да, я простоват и провинциален, но не глуп.

– А как раз мне в тебе и нравится простота и романтизм, – легко поглаживая по руке, как бы успокаивая, ответила Жанна.

– Ты знаешь, Жанна, если бы я сейчас попытался выразить в словах все, что испытываю в данный момент, то никаких слов бы не хватило.

– Вот так всегда: не успел еще насладиться, а уже надо поделиться, рассказать всему миру. Наслаждайся! Весь мир в твоих руках. Хватит мечтать... Давай ляжем спать.

Степан уже лежал под одеялом, когда в комнату вошла обнаженная Жанна.

– Постой, прошу тебя! Хочу рассмотреть тебя, хорошенько... запечатлеть в своем сердце. Жанна с удивлением посмотрела на Степана.

– Все? Я могу лечь?

– Да, и как можно быстрее.

– Какая нежная у тебя кожа, – легко поглаживая грудь Жанны, произнес Степан и почувствовал, как откуда-то из потайных уголков тела стала нарастать волна возбуждения. Степан слегка прикусил мочку ее уха. Жанна повернулась к Степану и встретила его губы. Страсть обрушилась на них, словно водопад, и опустошила их, закружив в своем водовороте...

– Жанна, как хорошо, что ты есть! Мне трудно представить твой отъезд. Как все хорошее быстро кончается.

– Но ведь я уезжаю всего лишь в Москву.

– Москва! Для меня это как другая планета.

Уже засыпая, Степан подумал: «А ведь это, похоже, наша последняя ночь».

Глава 6. Шаги на ниве созидания

*«К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны,
И перед властью – презренные рабы».*

М. Ю. Лермонтов. «Дума»

В среду Сергей Сергеевич Пупков, как уже было отмечено ранее, посвящал свое рабочее время составлению указов и постановлений. В этот день Сергей Сергеевич приезжал на работу в наилучшем расположении духа и вдохновенно приступал к работе.

Кое-кто догадывался о причинах такого вдохновения, например, секретарь Клара Сливовна, но она не раскрыла бы эту тайну даже под пытками, по крайней мере, она так думала. Не знали, но догадывались многие сотрудники мэрии и, исходя из своих догадок, планировали свои действия. Необходимые для подписания документы начальники отделов приносили именно в среду утром, так как в среду утром Пупков мог подписать даже собственный некролог.

Единственной, кто не знал, чем занимается Сергей Сергеевич на своей загородной резиденции в ночь со вторника на среду, была это его супруга. Она верила, или хотела верить, что ее муж встречается с важными людьми для обсуждения важных вопросов, своеобразная встреча без галстуков в интимной обстановке. А Сергей Сергеевич действительно проводил время в интимной обстановке, но со своей новой и привлекательной любовницей. Это была роскошная молодая девица из ночного клуба «Чарка», случайно замеченная Сергеем Сергеевичем на одной из презентаций и представленная хозяином как перспективнейшая в городе фотомоделль.

Молодая девушка смотрела на Сергея Сергеевича, как на божество, ведь это был не простой смертный гражданин, а настоящий мэр. Сергея Сергеевича это умиляло и радовало. Он любил покровительствовать, особенно молоденьким девушкам с красивой грудью. К сожалению, все проходит гораздо быстрее, чем хотелось бы. Уже через месяц у девушек исчезало восторженное обожание. Если сначала девушки умело изображали восторги с оханьем и аханьем, то со временем им это надоело, и они уже не так восторженно изображали любовь. К тому же во время сильного возбуждения Сергей Сергеевич издавал смешные звуки, что-то вроде похрюкивания, что очень веселило девиц и раздражало Сергея Сергеевича.

Но в прошедшую ночь полногрудая красавица вела себя отменно, так как ей очень хотелось ездить на красивой машине. К утру она сумела убедить Сергея Сергеевича, что за проведенный с ним месяц она лучше узнала его и еще больше полюбила, но все портит отсутствие собственной машины. И если он выполнит ее маленький каприз, то ее любовь просто не будет знать границ, и он испытает такое блаженство, какое навряд ли кто из смертных испытывал.

– А какую машину ты желаешь? – спросил он свою любовницу.

– Я хочу белый кабриолет, желательно марки «Мерседес». Я прямо сгораю от желания проехать за рулем белого кабриолета на виду у всего города, пусть все от зависти умрут..., особенно мои подружки.

– Не такая уж и маленькая просьба. Я ведь не банкир и не волшебник, а всего лишь мэр города.

– Ну, котенок, надеюсь, у тебя найдутся деньги сделать счастливой свою кошечку, а уж она тебя отблагодарит.

– Все будет зависеть от того, как станет вести себя кошечка.

– О! Я подарю тебе неземные ласки.

– Я подумаю, – серьезно завершил диалог Пупков.

Сергей Сергеевич, не ожидавший такого напора и такой активности, поддался и готов был выполнить ее просьбу, хотя и подумывал: «Если я буду делать такие подарки, то скоро и сам нищим стану. Надо подумать».

И действительно, Сергей Сергеевич очень сильно задумался, когда ехал в мэрию, но не о просьбе любовницы, а о банке. «Хорошая идея занять свой банк, и как это я раньше не подумал? Столько лет при власти, столько денег прошло, и почти все мимо. Нет, это дело откладывать нельзя».

Приехав в мэрию, Пупков первым делом дал распоряжение начальникам юридического и финансового отделов подготовить всю необходимую документацию для открытия муниципального банка. Затем позвонил брату на завод и попросил срочно приехать к нему вместе с сыном Антоном для обсуждения важного дела. Вызвал Клару Сливовну и дал распоряжение подготовить постановление об открытии муниципального банка.

Через час брат Николай вместе с сыном сидел уже в кабинете мэра.

– Николай, – обратился Сергей Сергеевич к брату, – ты когда-нибудь задумывался об учреждении своего банка?

– Да где же столько денег взять, Серега?

– Вот... до сегодняшнего дня я так же думал, но, похоже, что ошибался. В общем, я предлагаю открыть банк, где учредителями будут мэрия, твой завод и фирма Антона.

– Сергей, а ты знаешь, что финансовое положение завода в плачевном состоянии?

– А что так?

– Некоторые строительные фирмы в нашем городе отказались от продукции нашего завода. Говорят – дорого. Крупных подрядов от мэрии в этом году нет, все какие-то незначительные, не дающие приличного дохода.

– Это не проблема. У нас достаточно рычагов воздействия на строптивых и тех, кто не желает с нами работать. А вот с подрядами пока придется подождать, только в следующем году будет серьезный заказ, если, конечно, меня выберут мэром на следующий срок.

– А как у тебя идут дела, Антон? Как там твое торгово-промышленное предприятие «Карбункул»?

– У меня, Сергей Сергеевич, все хорошо, спасибо вам за помощь. Если вы хотите узнать мое мнение насчет банка, то я обеими руками за его открытие. Только в настоящее время в банке «Кубышка» находится около ста пятидесяти миллионов рублей моей фирмы.

– Сергей, а что это дело нам даст? Все-таки, может, не расплываться? Лично у меня нет четкого представления о банковском деле.

Сергей Сергеевич пристально глядел на брата, нервно постукивая авторучкой по столу.

– А ты и не будешь заниматься этим. Для работы мы пригласим специалистов, вот пусть они, эти умники, и работают, а мы просто будем контролировать, и проверять их с помощью аудиторской компании. А свой банк может дать очень и очень многое. Во-первых, от своих денег мы будем получать проценты, и совсем не те, какие сейчас нам дают другие банки. Во-вторых, все коммунальные платежи мы направим через свой банк, а проценты за обслуживание пойдут банку. В-третьих, бюджетные деньги мэрии будут размещаться в нашем банке, и соответственно будут приносить нам доход. В-четвертых, кредиты для собственных предприятий... Да мало ли возможностей открывается... Вот сейчас мы задержали заработную плату учителям и врачам, а толку с них мало, деньги крутятся в чужом банке..., приходится делиться... А так, положили в свой банк, и получай себе проценты, да еще и кредит можно выделить на выплату заработной платы. Ты понял? Им же причитающимися деньгами их же и кредитовать. Там, глядишь, и народ со своей копеечкой потянется, а процент по вкладам у нас меньше, чем инфляция, вот мы и будем размещать эти деньги, с процентами естественно. Получим лицензию на операции с валютой, а это еще дополнительные доходы. И потом, льгот-

ные кредиты для депутатов позволят проташить через нашу Думу любое выгодное нам решение.

– Зарабатывать на кредитах – это хорошо, но есть проблема невозвратных кредитов.

– Об этом можешь не беспокоиться. Возврат кредитов я беру на себя. Если кто-то не вернет кредит вовремя, то и бизнеса никакого у него в этом городе не будет.

– Теперь начинает вырисовываться картина.

– Отец, дядя Сережа прав. Нам необходимо было еще раньше открыть свой банк, – вступил в разговор Антон.

– Ничего, Антон, мы своего не упустим. Будет у нас свой банк. Документы для открытия должны быть готовы через десять дней. Свяжитесь с нашим юристом, он вам скажет, что необходимо от вас.

– Сергей Сергеевич, – позвонила секретарь, – через двадцать минут подъедет Владислав Тихонович Торопыгин, просил принять.

– А попробуй ему откажи, – буркнул Пупков. – Ну, все вроде бы обсудили... До свидания. Николай, не забудь дать список предприятий, которые не берут твою продукцию.

Владислав Тихонович Торопыгин был назначен начальником управления ФСБ города два года назад. Перевели его из Москвы за нарушения по службе. Ходили слухи, что его группе контрразведчиков было поручено вести слежку за иностранным дипломатом, но они его упустили, а эту операцию держал на контроле первый заместитель руководителя ФСБ. Вот за это и оказался Торопыгин в Чуханске.

Сразу по приезде он активно включился в работу, не спал ночами, сам придумывал операции по раскрытию шпионских сетей и сам же в них участвовал. Но при этом все не расставался с мыслью отличиться, поймав шпиона. Но совершить такое геройство в городе Чуханске ему не удавалось, и не потому, что шпионы были хорошо законспирированы, а просто их в этом городе отродясь не водилось.

Иногда Вячеслав Тихонович, наблюдая из окна кафе или с автобусной остановки за выбранным им объектом, с сожалением думал: «Хорошо было чекистам в тридцатые годы, можно было самому придумать заговор или, на худой конец, шпиона, а потом его и раскрыть, вот карьера тебе и обеспечена. А что теперь – найди, выследи, поймай, а потом еще в суде докажи, что он шпион, как будто по лицу не видно...»

За прошедшие два года Вячеслав Тихонович так себя и не проявил. С мэром и другими руководителями в городе держался сдержанно и подчеркнуто вежливо. Поэтому Сергей Сергеевич сейчас и ломал голову, зачем Торопыгин решил встретиться с ним: «Да, темная лошадка этот Торопыгин. Ходит, высматривает, вынюхивает, похоже, уже несколько чемоданов компромата на меня собрал, хотя и побаивается, знает, что у меня в верхах поддержка есть, – расхаживая по кабинету, думал Пупков. – Конечно, работники ФСБ „крышуют“ в городе. Типография работает под ними, и завод по переработке цветных металлов тоже, это точно. Как они ловко этот заводик у меня перехватили. Не успел бумаги приготовить, а они уже все руководство сменили и своих людей поставили».

– Сергей Сергеевич, – раздался звонкий голос Клары Слимовны, – Вячеслав Тихонович подошел.

– Пригласите, его, Кларочка, да чайку нам сделайте.

Торопыгин вошел в кабинет мягко, как будто крадучись, поздоровался.

– Здравствуй, Вячеслав Тихонович. Очень рад вас видеть у себя. Вы, я смотрю, все мэрию стороной обходите, а ведь мы общее дело делаем, так сказать, служим Отечеству.

– Сергей Сергеевич, вы знаете типографию «Пилот», расположенную в здании, что находится на улице Заезжей, пятнадцать, которая принадлежит Кучеренко, – сразу начал говорить о деле Торопыгин, не пускаясь в разглагольствования с мэром.

– Да. Конечно, знаю.

– Типография расширяется, и Кучеренко хотел бы занять все здание, то есть и ту часть, где располагается торгово-промышленное предприятие «Карбункул». Он готов выкупить вторую половину за разумную цену.

– Вячеслав Тихонович, вопрос серьезный, мне надо подумать, переговорить с руководством компании «Карбункул».

– Переговорить надо, да только решение данного вопроса желательно не затягивать..., время не терпит, – сказав это, Торопыгин встал и, попрощавшись, вышел.

После ухода Торопыгина Сергей Сергеевич еще долго сидел за столом, обдумывая сложившуюся ситуацию: «Придется помочь этому Торопыгину. Все-таки он отправляет оперативные докладные в Москву о положении дел в городе, и ссориться мне с ним совсем ни к чему. Да! Теперь уже ясно, что крышуют, но делают это, в отличие от милиции, грамотно, не придерешься». Так и не придя к определенному решению, он отложил его на завтра и отправился домой.

По замыслу Степана Кочергина, этот день должен был сыграть огромную роль в его жизни и в жизни города Чуханска. Выходил первый номер газеты «Новости бизнеса». «Это будет новая газета во всех отношениях», – упрямо твердил Кочергин. Принцип, который Степан провозгласил для всего коллектива редакции, – это объективность и еще раз объективность. В разговоре с Помяловским Степан выпуск первого номера даже сравнил по силе влияния на горожан с запуском первого спутника Земли. Людям свойственно преувеличивать свою роль в истории. Вот и Кочергин верил во всепобеждающую силу человеческого разума, может быть, даже сильнее, чем в свое время Просветители.

Утром, заглянув в почтовый ящик, Степан обнаружил письмо от судебных приставов. «Работает машина, – зло подумал Степан. – Придется искать угол, а квартиру, как пить дать, заберут».

Проводив Жанну, Степан отправился в редакцию газеты. Все сотрудники были на месте, и каждый занимался своим делом.

– Игорь Андреевич, вы созванивались с типографией? – обратился он к Помяловскому.

– К концу рабочего дня весь тираж газеты будет отпечатан, – ответил тот.

– А в какой стадии материал для второго номера?

– Сегодня отредактируем, и к обеду завтрашнего дня будет сверстан.

– Я бы хотел его еще раз просмотреть, – попросил Степан.

Кочергин дочитывал материалы для последней страницы и собирался уходить, когда раздался звонок. Звонили из типографии с сообщением, что у них возникли какие-то трудности, и они не могут вовремя выполнить заказ. «Ну, начинается! Вот так всегда. Ничего у нас не могут сделать без трудностей», – подумал Степан.

– Игорь Андреевич, вы тут заканчивайте со вторым номером, а я поеду в типографию и разберусь на месте, что у них там за трудности возникли. Не хотелось бы оправдывать задержку номера всеобщим разгильдяйством.

Вторую половину дня Кочергин провел в типографии, стоя над душой у главного инженера и заставляя его реагировать на малейшие неполадки и остановки. Степан своего добился: тираж первого номера газеты был отпечатан, чтобы завтра поступить в продажу.

Вернувшись в редакцию, он никого не застал. Рабочий день закончился, и сотрудники разъехались по домам. На столе его лежала записка от Жанны: «Уезжаю сегодня. Срочно вызвали в Москву. Поезд отправляется в восемнадцать часов. Жанна».

Степан не сразу понял написанное, и прочитал еще раз. Взглянул на часы, вышел из редакции и пошел по улице, предаваясь своим мыслям. Город жил своей жизнью. Люди спешили по своим делам. У киоска на остановке молодые ребята пили пиво и о чем-то громко

разговаривали. Из-за поворота выскочил «Мерседес» с тонированными стеклами и, распугивая пешеходов, помчался в сторону центра.

«Жаль, что не успел проводить ее. А может, так оно и лучше, – думал Степан. – Легче перенести расставание. Все равно это должно было произойти. Да! Невеселая получается жизнь: Жанна уехала, из квартиры скоро выгонят, а если еще и выпуск газеты не удастся наладить, то пиши пропало. Жить в общежитии, искать работу и перебиваться случайными заработками...»

Уже в который раз перед ним вставал вопрос, который Степан все никак не мог для себя решить. Почему нет возможности жить счастливо? Честно трудиться, получая за свой труд достойную оплату, не лгать и не раболепствовать, радоваться простым и приятным мелочам, не пытаюсь выглядеть лучше, чем ты есть. В чем или в ком причина? И не находил четкого и ясного ответа.

Вечером к нему заехал Валентин, чтобы отметить выход первого номера газеты. Он, как всегда, был в отличном расположении духа.

– Ты, почему такой грустный, старик? Посмотри, какой коньяк я привез. Сегодня радоваться надо. Завтра газета уже будет в продаже.

– Рано радоваться, Валентин. Будем радоваться, когда наша газета превратится в самостоятельное и прибыльное предприятие.

– Что за пессимизм? Спрос на газету будет, если вы ее сделаете интересной и необходимой, как утренний чай. Ты сомневаешься сам в себе?

– И в себе тоже. Не сомневаются только идиоты.

– Ладно, Степан. Давай выпьем за успех, а он нам еще, ой, как пригодится.

– Ты провожал Жанну с Александрой?

– Да. Все отлично.

– Что отлично?

– Я говорю, отлично, что уехали. И результаты проверки удовлетворительны.

– Что-то я не пойму тебя, Валентин? О какой проверке ты говоришь?

– Степан, я же тебе говорил, что они приехали в составе комиссии, с проверкой.

– И что?

– А то! Если ты думаешь, что я случайно с ними познакомился и увлекся, то ошибаешься. Мой старый знакомый из этого самого казначейства, Стас Стойкович, да ты его должен знать, попросил меня поближе познакомиться с членами комиссии и по возможности повлиять на результат проверки. Извини, старик, но раньше я тебе не мог этого сказать.

– Спасибо, что хоть сейчас сказал. И что, повлиял? – зло спросил Степан. – А ты подумал о наших отношениях с тобой? Я ведь теперь всякий раз буду думать, что ты меня втемную используешь. Кредит доверия имеет свойство заканчиваться.

– Степан, ну а если бы ты меня попросил о такой деликатной услуге?

– Я, Валентин, преступлений не совершаю и подлыми делами не занимаюсь, поэтому таких услуг мне не требуется.

– Вот, я уже и подлецом оказался.

– Нет, Валентин, ты пока еще никакой. Может быть, ты всю жизнь проживешь никаким. Поставь тебя делать добро, ты будешь делать добро, конечно, если тебе это будет выгодно, а поставь делать зло, ты и его сотворишь. Основной движущей силой для тебя служит выгода, нажива, и это приведет тебя в лагерь тех, кто творит зло. Ведь делать добро – это не всегда выгодно в материальном плане, хотя и необходимо для сохранения души. А душа наша есть источник счастья, радости и любви. Погубишь душу, и не будет в тебе ни любви, ни счастья, к чему тогда и ради чего вся эта суетная жизнь? Ты, Валентин, не обижайся на мои слова. Я так думаю и не считаю нужным это скрывать.

– Спасибо за откровенность, Степан. А, на мой взгляд, в жизни необходимо больше дел и меньше философских рассуждений. Давай выпьем, за откровенность, да я буду двигаться домой. И, пожалуйста, Степа, избавь меня от своих сентенций.

– Дело делу рознь, а слово – это уже есть дело.

– Но сейчас, я надеюсь, мы делаем доброе и необходимое дело, за которое я попаду в рай? – с улыбкой спросил Валентин.

– Время покажет. Только рай и ад люди творят сами и на земле. Или позволяют другим это делать, когда сами пассивны и безразличны.

– Вот и прекрасно. Тогда я отчаливаю.

– Подожди, Валентин. Меня скоро из этой квартиры выставят. Ты не мог бы помочь мне подыскать жилье. На первое время меня бы устроила бы и комната в общежитии.

– Комнату я тебе найду, можешь не беспокоиться. Завтра же переговорю с директором завода и позвоню тебе в редакцию.

Проводив Валентина, Степан, стоя у окна и глядя на огни ночного города, еще долго обдумывал состоявшийся разговор. «Действительно, идет настоящая и повседневная борьба за души людей, но не между Богом и Дьяволом, а между самими людьми. Между теми, кто желает жить в лучшем обществе, и все делает для этого, и теми, кто стремится только к удовлетворению своих ненасытных и неестественных потребностей. Если из религии убрать мистику, то вполне можно найти зерно истины. И не надо пугать людей ужасами или прелестями загробной жизни, а привлекать возможностью счастливо жить сегодня, в этой жизни».

Глава 7. Смерть Ступорова

«Уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и следуй за ним».
Псалтырь, 33/15

В четверг утром весь город потрясло сообщение о жестоком убийстве известного бизнесмена Леонида Андреевича Ступорова.

Это было не первое убийство в городе, и на городском кладбище существовала уже целая аллея, где были похоронены местные бизнесмены и боевики различных группировок. Поэтому ужаснуло не само убийство, а то, с какой жестокостью оно было сделано. Тело бизнесмена так сильно изуродовали, что родственники узнали его только по особым приметам – по родимому пятну да по шраму на левом предплечье. Как установили эксперты-криминалисты, бизнесмена подвергли невероятным пыткам, а затем убили.

По поводу произошедших событий в городе существовало несколько версий. Среди рабочего люда ходили слухи, что бизнесмен перестал платить покровителям, за что и был убит. В среде местной интеллигенции поговаривали, что якобы Ступоров перешел от одной группировки бандитов к другой, за это и поплатился. Единственными, у кого не было своей версии, – были органы внутренних дел.

Леонид Андреевич Ступоров был бизнесменом средней руки. Свою деятельность он начинал с комсомольских активистов, но на этом поприще особо себя не проявил, а может, просто не успел. За время работы в комсомоле Ступоров не раз бывал в заграничных командировках, а также имел возможность общаться с зубрами партийного руководства, что научило его разбираться в людях и четко отслеживать ситуацию.

С переменами в стране и приходом к власти новых людей Ступоров сразу понял, что наступило его время. После открытия границ он одним из первых в Чуханске сориентировался и начал возить товары из-за границы. Дела пошли хорошо, и уже через полгода у него в обороте крутилось несколько тысяч долларов. Народ без разбора покупал импортные товары, правда, попервости больше из любопытства, чем из практических соображений, поэтому почва для развития его предприятия была обеспечена.

Предприятие набирало обороты, деньги шли в руки сами, и Леонид, наконец, почувствовал вкус к жизни. Вся его предыдущая жизнь показалась бессмысленным карабканьем вверх, сопровождаемым подбострастием и унижениями. Он как будто второй раз родился. У него развилось чувство собственного достоинства, которое теперь он нечасто встречал у окружающих его людей. Одеваться он стал только в фирменных магазинах, а обедать – в дорогих ресторанах. В его загородном доме, насчитывающем пятнадцать комнат, появились картины, роскошные вазы, ковры и даже книги. Перед домом у входа он установил статуи львов, так он видел в одном зарубежном фильме. Уборку в доме производила приезжающая на дом работница, а в саду работал садовник. Леонид стал подумывать, не покопаться ли ему в своей родословной, может быть, там отыщутся дворянские корни. Ну, а если не найдутся, то можно и родословную подправить. Теперь за деньги все можно.

У Леонида Андреевича, в результате столь приятной жизни, четко обозначились демократические взгляды с несколько презрительным отношением к трудовому люду. Он не пропускал ни одних выборов и постоянно голосовал за демократов. Всех, кто не преуспел на ниве обогащения, Ступоров считал ленивыми неудачниками, не способными широко мыслить и активно действовать. На этой почве он разошелся со своим старым другом, работающим инженером на заводе, назвав его лохом, неудачником и реакционером.

Когда в городе внезапно появились фирмы, облапошившие горожан, раздав пустые бумажки взамен их денег, а потом так же внезапно исчезнувшие с огромными суммами, Сту-

поров был одним из немногих, кто восхищался ими. Он даже сожалел, что сам не догадался проверить эту аферу, хотя его дела и так шли очень хорошо. Буквально за два года работы свой первоначальный капитал Ступоров увеличил в десять тысяч раз. На одной из центральных улиц города он открыл магазин и приобрел с помощью С. С. Пупкова цех по розливу водки. Он мог себе позволить все, ну, или почти все, и этим очень гордился. Ему казалось, что этому счастью не будет конца.

Но город Чуханск был не таким большим, чтобы в нем нельзя было не заметить новоявленного богача. К нему стали наведываться эмиссары из различных организаций и предлагать покровительство.

Особенность описываемого нами исторического периода в городе Чуханске заключается в том, что здесь произошло смешение нескольких исторических формаций, как, например, капитализма и рабовладения. В Чуханске делили не только собственность, но и людей, при этом не всех людей, а только тех, у кого была собственность. Если ты беден, ты никому и не нужен. Но стоит завестись какой-то собственностью, как к тебе сразу проявляется интерес. Тебе начинают предлагать покровительство различные организации, которые часто бывает очень трудно разделить и понять, где государственные структуры, а где бандитские группировки.

У нас народ смысленый, не то, что итальянцы или англичане. Те бы никогда не додумались до такого. Вот хотя бы взять Цезаря или Августа, все рабов продавали, а ведь никто из них не догадался делить людей сразу с имуществом. А ты возьми в рабы хозяина виллы, и пусть он тебе платит, и сам же управляет своим хозяйством.

А англичане или американцы все капиталы делят, а потом сами и мучаются, управлять же надо. Нет, чтобы, как у нас, сделать: взял заводик вместе с учредителем, директором, управленцами и рабочими, установил таксу и живи себе хоть в Англии, хоть во Франции. Долго, видимо, им еще до такого понимания доходить придется. Мы-то ведь тоже не сразу дошли до этого, а только после того, как наши руководители пример показали, когда СССР разделили. Собралось несколько крупных, как они сами теперь об этом говорят, политических деятелей, не знаю, правда, по какому принципу они друг друга отбирали, и поделили СССР на республики, то есть каждому по стране. Это вам не заводик и не банк, а целая страна, со всеми заводами, банками, армиями, банями и людьми в придачу, вот и управляй. Ну, а если управлять желания нет, то можно правительство назначить, и пусть оно управляет, а ты только спрашивай: почему налогов мало собрали? Или: куда потратили бюджетные деньги? Или: почему рост производства такой медленный? И главное, строже спрашивать, а то министры наши имеют привычку не выполнять указов. При этом в обязательном порядке все это необходимо продемонстрировать перед телевизионными камерами, а потом народу показать, за такую строгость к правительству он его уважать будет. Народу нравится, когда хозяин с министрами строго себя ведет.

Вот когда разделили СССР, тут многие, в том числе и некоторые граждане нашего города, сориентировались. Конечно, масштаб поменьше, да ведь и запросы у наших скромнее будут, за дело взялись лихо, и быстренько все и всех поделили.

Сначала Леонид отнесся к предложениям эмиссаров довольно легкомысленно и даже снисходительно, но после того, как взорвали его новенькую машину, задумался. А, подумав, согласился платить мзду обществу «Жертвы всех войн и несчастных случаев», так как в его руководстве находился его старый знакомый, однокурсник по институту. О размере вознаграждения за покровительство договорились сразу, и Леонида данная сумма вполне устраивала. Ступоров надеялся, что эта сумма вознаграждения, согласно договоренности двух сторон, будет величиной постоянной, и жестоко ошибся. Уже через два месяца размер ежемесячного платежа в одностороннем порядке был увеличен. Увеличение мзды объяснялось инфляцией и возросшими издержками самого общества.

Его старый знакомый, как оказалось, не имел в руководстве общества решающего голоса. Ступоров, немного повозмущавшись, вынужден был согласиться, боясь возможных осложнений. Но на этом дело не закончилось. Через полгода офис Леонида снова посетили представители общества и объяснили ему, что платить надо еще больше, так как количество членов общества увеличилось и все хотят кушать, а у некоторых имеются даже семьи. При этом чтобы ему было легче принимать решение, намекнули, что у него тоже есть семья и о ней необходимо заботиться.

Просидев в размышлениях всю ночь, Ступоров решил сделать ход конем и на следующий день встретился с руководителем конкурирующей организации «Политическое объединение культуристов». Договариваться долго не пришлось, так как они, не имея других источников доходов, кроме поборов, охотно приняли под свое покровительство нового бизнесмена и на первое время установили ему небольшую плату.

Переложив решение вопроса о платежах за покровительство на руководство «Политического объединения культуристов», Ступоров, забрав жену с ребенком, уехал отдыхать в Испанию.

Месяц, пока отсутствовал Ступоров, весь город Чуханск стоял на ушах. Боевики из организации «Жертвы всех войн и несчастных случаев» вели разборки с братками «Политического объединения культуристов», пытаясь оставить за собой курицу, несущую золотые яйца, какой являлся для них Ступоров. В итоге длительных переговоров, в результате которых было сломано множество носов, пальцев, челюстей, рук и ног, достигли консенсуса, и «ПОК», пожертвовав рюмочной на окраине города, заполучило Ступорова.

В Испанию ушла телеграмма, в которой Ступорову сообщалось, что он теперь находится под покровительством надежной организации и может смело возвращаться в город для занятий бизнесом. Ступоров сначала обрадовался, но, встретившись с руководителем «ПОК», чуть не потерял дар речи. От него требовалось: во-первых, возместить все издержки противостояния; во-вторых, оплатить лечение нескольким десяткам боевиков; в-третьих, вернуть стоимость рюмочной; в-четвертых, увеличить сумму взноса. Такой ход событий его еще больше расстроил, и он стал думать, как перейти под покровительство органов внутренних дел.

Возможность встретиться с высокими милицейскими чинами скоро представилась. Ступорова успокоили и уверили, что все будет хорошо, а те, кому органы покровительствуют, чувствуют себя великолепно, и бизнес их успешно развивается. Бизнесмен, быстренько собравшись, прихватив жену и ребенка, отбыл на длительный срок в неизвестном направлении, а органы внутренних дел развернули в городе непримиримую борьбу с преступными сообществами. За короткий срок было арестовано и осуждено по разным статьям несколько десятков боевиков. Разгромлен ряд офисов, где собирались преступные элементы. Руководством ГУВД операция по борьбе с криминальными сообществами была признана успешной, и отдельные руководители даже получили награды и повышения по службе. Представители «ПОК», не выдержав такого давления, поспешили заверить начальника ГУВД, что Ступорова Леонида оставят в покое.

Вернувшись в город, Ступоров первое время побаивался расправы и вел себя осторожно, можно даже сказать – затворнически. Все было тихо. Ступорова никто не тревожил и он, успокоившись, вернулся к своему привычному образу жизни. Он исправно платил своим новым покровителям и надеялся, что все неприятности остались позади.

Однако выяснилось, что новые покровители ничем не отличаются от предшествующих. Их запросы постоянно росли, в результате чего бизнес Леонида начал хиреть, что грозило разорением и банкротством. Привыкший к роскоши бизнесмен испугался, что совсем потеряет свой бизнес, и решил обратиться за помощью в ФСБ.

В течение недели он искал выход на руководство ФСБ, стараясь не привлекать внимания окружения и не дать повода для подозрений со стороны милиции. Наконец ему удалось выйти на одного из заместителей начальника ФСБ и договориться о встрече.

Встреча происходила в неприметном загородном домике в пригороде Чуханска и продолжалась довольно долго. В полночь, довольные результатами встречи, стороны разъехались. Утром Ступоров вместе с семьей улетел отдыхать в Мексику, а спецслужбы занялись искоренением коррупции в органах внутренних дел. Они провели расследование деятельности одного из заместителей начальника ГУВД и выявили массу злоупотреблений и недостатков в работе. Двоих следователей уволили из органов за превышение полномочий, а начальника следственного отдела понизили в должности и звании. Оперативники ФСБ убедили руководство ГУВД в неправомерности своих претензий к предпринимателю Л. Ступорову. Сам Ступоров, счастливый и отдохнувший, вернулся из Мексики и еще полгода успешно занимался делами, пока не произошли эти страшные события.

С. С. Пупков, получив сообщение о злодейском убийстве Ступорова Л. А., был сильно разгневан. Он лично знал Леонида и даже имел с ним некоторые дела, особенно удачной была продажа цеха по розливу водки. Пупков отложил свой утренний объезд города, который он проделывал каждый четверг, и назначил срочное совещание руководителей силовых ведомств.

«Скорее всего, Ступоров сам виноват, но я должен был знать, что происходит в городе, еще до убийства. Похоже, меня не посчитали необходимым информировать. Не задумали ли они убрать меня с поста мэра?» – раздумывал Пупков на пути в мэрию.

Он так решительно шел по коридорам мэрии, что сотрудники при виде его разбежались по кабинетам. Казалось, он сейчас начнет метать молнии. Проходя через приемную, Сергей Сергеевич отдал распоряжение секретарю с таким видом и таким голосом, что у нее возникли дрожь в ногах и помутнение в голове. После этого Клара Сливовна полчаса находилась в полубморочном состоянии, и все пыталась вспомнить распоряжение мэра.

Совещание у мэра было непродолжительным, но бурным. В приемную доносился шум голосов, в котором слышны были то крики, то возмущенный ропот. А, по сути, это был очередной спектакль, на котором выяснялась значимость каждого из присутствующих.

После совещания Пупков попросил задержаться руководителя ГУВД Раиля Мутазарова.

– Раиль Маратович, как так получается, что в городе происходят серьезные события, а я и не в курсе? – приблизившись к лицу Раиля и словно пытаясь, что-то прочесть в его глазах, спросил Пупков. – Вы ведь неглупый человек и прекрасно должны понимать, что если на предстоящих выборах меня не выберут, то и вам недолго сидеть в кресле руководителя.

– Сергей Сергеевич, Ступоров неправильно себя повел. Все бегал от одних к другим. Вот и добежался, – ответил Мутазаров.

– К розыску преступников подключить самых опытных следователей и сообщать о результатах работы каждый день. А судить о виновности не вам, вы еще не выяснил обстоятельства дела.

После ухода Мутазарова Сергей Сергеевич задумался. Из произошедших событий можно было извлечь немало полезного для себя. В любой ситуации Сергей Сергеевич все плюсы использовал для повышения собственного имиджа, а минусы перевешивал на противников, и это срабатывало почти всегда.

За пятнадцать минут до начала рабочего дня Степан был уже в редакции. Он с нетерпением ждал сообщений о продажах газеты и звонков читателей. Но звонков не было, и Кочергин начал просматривать материалы для третьего номера. В общем, материал ему понравился, но его не устраивала статья Содомской о положении на заводе по переработке цветных металлов. Кочергин встал из-за стола и прошел в соседнюю комнату.

– Василиса Павловна, – обратился Степан к Содомской. – Я бы хотел, чтобы вы переделали статью о заводе. Меня многое не устраивает. Во-первых, наша газета не рупор директоров заводов, чтобы их нахваливать лишь за то, что они директора; во-вторых, отсутствует оценка реального состояния дел на заводе; в-третьих, на заводе кроме директора существует еще технический персонал и рабочие, а их мнение в вашей статье вообще отсутствует.

– А вы, Степан Петрович, считаете, что статья может быть нейтральная? Я привыкла давать оценку работы руководителей предприятий.

– Но как можно давать оценку руководителю, не зная реального положения дел? Я считаю, что вам необходимо переделать статью. Поезжайте на завод, соберите побольше материала. Узнайте, как платятся налоги и заработная плата рабочим, выясните экологическую ситуацию вокруг предприятия, какой процент капитализации, а в понедельник мы вместе сядем и доработаем статью. Надеюсь, мы договорились?

– Да, Степан Петрович. Я постараюсь.

После обеда позвонил Валентин. Оказывается, он уже договорился насчет комнаты в общежитии опытного завода. Степан записал адрес и фамилию коменданта и, закончив дела в редакции, отправился смотреть, где ему предстоит жить какое-то время.

Общежитие находилось довольно далеко от центра города, и добираться пришлось долго на стареньком громыхающем трамвае. Трамвай снаружи был весь изрисован рекламой и обклеен рекламными листками внутри. Купите, приобретите, сделайте это, сделайте решительный шаг, пора менять, настоящие мужчины пьют это, настоящие женщины имеют это, – призывали все эти листочки. Примерно через час Степан добрался до места.

Здание общежития и прилегающая территория произвели на него удручающе впечатление. Серое четырехэтажное здание представляло собой коробку с ровными рядами окон и единственным входом с разбитыми ступеньками. Вокруг лежали горы мусора, а прямо перед крыльцом, похоже, еще зимой, выкопана траншея, возле которой лежали трубы и кучи кирпича. Успокоив себя тем, что это ненадолго, он толкнул обшарпанные двери и вошел внутрь общежития. Он увидел небольшой холл с турникетом и будочкой, где сидела пожилая женщина.

– Здравствуйте, я бы хотел увидеть Антонину Павловну, – обращаясь к женщине, спросил Степан.

– Коменданта, что ли? Проходите... Первая дверь направо по коридору.

Комендантом оказалась полная женщина бальзаковского возраста с миловидными чертами лица. Поздоровавшись и представившись, Степан спросил:

– Антонина Павловна, вам звонили по поводу комнаты для Кочергина.

– Да, звонили, – низким голосом ответила комендант и, внимательно оглядев Степана, сказала: – Пойдемте, я вам сразу покажу комнату, а по пути расскажу порядок проживания и оплаты.

Общежитие было старого типа, с длинными коридорами через все здание, одним общим на весь этаж туалетом и умывальником. Комнаты располагались по обе стороны от коридора и походили на пеналы для хранения вещей или на тюремные камеры, если на окна поставить решетки. Степан хоть и не жил в таких общежитиях, но, работая в газете, повидал немало. Он только удивлялся тому, как людям, живущим семьями, по пять человек в комнате площадью двенадцать – пятнадцать метров, удавалось сохранять человеческий облик. Как можно было слушать всю эту дребедень, которую им забивали в голову чиновники и их идеологи, и не сорваться, не взять в руки дубину и не начать крушить все подряд.

– Антонина Павловна, что за странный запах стоит в коридорах?

– Это у нас в двух комнатах китайцы живут, которые на рынке торгуют. Они постоянно какую-то гадость готовят, дышать бывает невозможно, хоть в окно выпрыгивай. Я их уже не раз предупредила, но они, как бараны, уперлись и жарят, и жарят, и жарят. Недавно хотела их

выселить, так чуть сама работы не лишилась. Директор завода приезжал лично и полчаса меня отчитывал за этих китайцев. Что ему дались эти китайцы?

Комната, предназначенная Степану, ничем не отличалась от других, кроме разве что люстрой с тремя плафонами да свежеразкрашенным подоконником. В ней был встроенный шкаф, окрашенный в темно-коричневый цвет, и панцирная кровать без матраца.

– Антонина Павловна, скорее всего на следующей неделе я перееду, но хотелось бы еще узнать: вечером и ночью здесь сильно шумят?

– Бывает, но уж очень редко. На втором этаже участковый живет, и если кто разбалуется, то он быстро протокол составит и в участок отправит с нарядом.

Домой Степан возвращался на том же дребезжащем трамвае. По пути он разглядывал распутившиеся тополя, пытаясь отвлечься от мрачных мыслей, но это никак ему не удавалось: «Неужели для того, чтобы иметь всего лишь свой приличный угол, необходимо жертвовать многим: превратиться в зверя, рвать и метать, биться насмерть за кусок хлеба и потерять все человеческое?». На остановке в трамвай вошли три девушки лет по восемнадцать в джинсах и модных приталенных курточках с открытыми бутылками пива в руках. Смеясь и громко разговаривая, они отхлебывали пиво прямо из горлышка. «Что это – смелость в поведении или отсутствие культуры? – задал себе вопрос Степан и сам же себе ответил: – Скорее всего, смелость в виду отсутствия культуры».

Глава 8. Принцип осуществления власти

«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»

Или какой выкуп даст человек за душу свою?»

Евангелие от Матфея, 16, 26

«Работать надо, а не кивать на власть, тогда и жить хорошо будем. Власть – это вам не собес». Это распространенная среди чиновников Чуханска скороговорка. Произнесет эту скороговорку чиновник, и сразу все вопросы отпадают, так как все становится ясно и понятно. Власть работает, и вы должны работать. Власть – это не собес, правда, что она такое – не уточняется. Если вы будете работать, то и власть будет жить хорошо, хотя и в данное время она на жизнь не жалуется.

Осуществление власти в городе Чуханске – один из самых сложных и запутанных вопросов, а отношение самих чуханцев к власти не поддается рациональному объяснению. Видимо, в городе Чуханске власть действует на граждан просто магически. Добился человек власти, значит, уже историческая личность, и не столь важно, как он ее добился и что сделал для народа, и вообще, способен ли данный человек что-либо делать.

Почти все Чуханские историки – а это известные в городе люди – в своих монографиях в основном описывают различных властителей и тиранов, а не историю развития производства или историю взаимоотношения народов. К тому же, чем больше властитель или тиран уничтожил людей, принес страданий и неудобств народу, тем больше о нем пишут. И пишут с удовольствием, смакуя каждый шаг этой чаще всего посредственной личности, скрывающейся порой за модной маской или личиной народного благодетеля. Редко можно найти властителя, который бы положительно повлиял на ход истории. Если что-то им и приписывают, то это необходимо было сделать еще вчера.

Система осуществления власти в городе Чуханске сильно запутана, и человек, заинтересовавшийся ею, проходит три этапа познания. Первый этап самый безболезненный и самый бестолковый. Создается впечатление вполне благополучного сосуществования народа и трех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной. Хотя исполнительная власть и строится на множестве параллельных структур, представляющих интересы различных групп и борющихся за влияние на все остальные ветви, она на первый взгляд выглядит как единая система. Все как при любой другой демократической системе. Но это можно сравнить с дикарем, одетым во фрак, который и создает первое впечатление.

Идея о разделении властей, которую барон де Монтескье высказал более двухсот пятидесяти лет назад в период развития капитализма в Европе, не имела возможности осуществиться в городе Чуханске. В Чуханске выборы в Думу зависят от исполнительной власти, так же как и назначение судей. Исполнительная власть через своих представителей в Думе принимает удобные для себя законы. Судьи через систему оплаты и порядок их назначения зависят как от исполнительной, так и от законодательной властей. А так называемая четвертая власть, то есть средства массовой информации, вообще находится на содержании у исполнительной и законодательной властей и с удовольствием обслуживает их.

Второй этап наступает, когда человек сталкивается с властью в каком-либо противостоянии и, пытаясь защитить себя, свое имущество или собственное достоинство. Теперь ему кажется, что власть сплоченный монолит, что она выступает против его интересов единым фронтом. Действительно, когда дело касается корпоративных интересов представителей власти, то они чаще всего выступают как единая организация. В этот период человек начинает

понимать, что данная власть не является выразителем его интересов, а защищает какие-то другие.

Третье представление о власти формируется, когда человек сам становится представителем этой власти или его интересы завязываются на представителях власти. И оказывается, что это разрозненные группки людей, формирующиеся вокруг определенной кормушки и ведущие постоянную борьбу с другими группками, защищая свою кормушку или пытаясь захватить чужую.

Выявив все три составляющих власти, человек задается вопросом: так что же такое эта власть? Откуда она вырастает и на чем держится?

Власть, как любая другая форма деятельности, имеет определенные качественные характеристики, которые мы и попытаемся определить. Эти свойства присущи любой власти и в любом месте.

1. Для достижения власти все средства хороши, так как сама власть есть высшая и непреодолимая ценность.

2. Власть всегда стремится выглядеть величественно и помпезно. Она должна быть если не божественной, то хотя бы народной. Каждый отдельный гражданин должен чувствовать себя перед властью маленьким и ничтожным.

3. Власть думает только о себе и заботится о сохранении себя, но никогда об этом не говорит.

4. Представители власти выдают свой интерес как всеобщий и подавляют другие частные интересы. (В данном случае не важно то, как они становятся представителями власти, дабы не усложнять вопрос взаимоотношением интересов.)

5. Действия представителей власти всегда гениальны, значимы и всегда направлены на «улучшение» жизни простых граждан.

6. Власть всегда стремится захватить под свой контроль как можно больше сфер деятельности под различными благовидными предложениями.

7. Представители власти никогда не сдают на растерзание своих коллег, так как сами могут оказаться в их шкуре, и не раскрывают секретов, касающихся власти.

Всеми этими качествами чуханская власть обладает в полной мере, проявляя себя через деятельность отдельных личностей. Всякий познавший вкус власти становится одержим ею, и она, как универсальный заменитель, вытесняет из души человека все другие интересы. Вообще, чтобы оценить тот или иной исторический период жизни общества, не обязательно вникать в то, какие экономические достижения произошли в тот период, какой был быт и уклад жизни и кто какому богу молился, а достаточно оценить людей, которые находились у власти, и установить, как они к ней пришли.

Если Гай Юлий Цезарь пришел к власти на плечах своей армии, с которой он завоевал для Рима обширные территории за Альпами, отличился как талантливый полководец, то и весь исторический период можно оценить как героический. Он способен был на смелые поступки и, переходя Рубикон, предполагал, что в случае поражения его ждет смерть. Да, он стремился к власти, но стремился к ней открыто, а не с помощью хитрости, лжи и обмана. Его действия в период правления не могли быть мелкими и незначительными, так как он обладал самыми разнообразными талантами: политика, полководца, оратора и писателя. Очень ярко характеризует Юлиа Цезаря как личность поступок, совершенный им еще в молодости, когда его захватили пираты. Пираты потребовали за него выкуп в двадцать талантов, а он заявил, что стоит пять, и поклялся вернуться и распять всех обидчиков на крестах. Пираты, которые могли его и убить за дерзость, восприняли слова пленника как шутку, однако, когда выкуп был уплачен, Цезарь выполнил свою угрозу.

А его книга «Записки о галльской войне», описывающая захват Галлии, считается классикой литературы. В последние годы своей жизни Цезарь разработал обширную программу

реформ римского общества с целями, выходящими далеко за пределы личного обогащения. И это не единственный пример прихода к власти значительной личности.

Возьмем историю прихода к власти во Франции Наполеона и период его правления. Он прославился как великий полководец и проявил себя как смелый реформатор. Он реформировал финансовую структуру и юрисдикцию, создал французский банк и французский университет, централизовал французское правительство. Написанный им кодекс заложил основу современного гражданского кодекса законов во Франции, и не только в ней. В этом кодексе Наполеона было законодательно закреплено всеобщее равенство перед законом и отмена привилегии по рождению. Именно Наполеон, несмотря на свои монархические амбиции, сыграл значительную роль в распространении идей Французской революции.

А какие личности в последние десятилетия приходили к власти у нас? Вы только вспомните, и послушайте их бесцветные и бессмысленные речи, их упоение властью, написанное прямо на лицах, вспомните их характеристики, печатаемые в газетах в период назначения на должности, и сразу все поймете. Честный и порядочный гражданин, отличный семьянин, хороший товарищ, заботливый отец и т. д. Может быть, и вправду это неплохие люди, но нет почти никаких значимых поступков и свершений, где бы они проявили себя как самостоятельные и значимые личности. И естественно, никто не спрашивал, а зачем тебе, хорошему семьянину, власть. Люди, не совершившие ни одного значимого поступка, ползком, прогибаясь и изворачиваясь, льстя и угодничая, пробрались во власть, и, соответственно, вся их деятельность такая же мелкая возня на ниве собственного обогащения. Действуют по принципу хомяка: набить зерна за щеки и спрятать в норку, чтобы никто не видел. Так и они, украдут определенную сумму денег и спрячут в какой-нибудь иностранный банк. А потом сидят довольные, запас душу греет, рассуждают на разные темы, ищут свое значение в истории, пишут книги о своей роли в ней, а в действительности вся их сущность сводится к одному – украсть и спрятать. Находятся даже желающие писать о таких людях книги. Видимо, им хорошо платят? А на самом деле должно быть написано всего два слова – украл и спрятал. Право, даже стыдно за них, обидно за человека, зачем же человеку опускаться до уровня крота, а может, это вовсе и не люди? Интересно бы исследовать данное явление, может быть, это определенная порода людей или болезнь, которая передается по наследству? Или по наследству передается только наворованное имущество, а потом, на этом ворованном, вырастают нормальные люди? В действительности же, только в огороде, на навозе, хорошо овощи растут, а в человеческом обществе главную воспитательную роль имеет пример: и из гнилой среды выходят «гнилые» люди. Если видел сынок, что папа хорошо устроился в этой жизни за счет воровства, то он уже никогда не придет к созидательному труду, не станет, потом и кровью зарабатывать хлеб насущный.

Сгрудившись при власти, они сами уже стали препятствием на пути личностей цельных и порядочных, так как видят в них реальную угрозу своему существованию. Захватив власть, они со своей рабской психологией начинают творить такие же рабские законы для остальных сограждан, считая всех подобными себе.

Ничем особенным не отличался от политиков последних десятилетий и наш герой – Сергей Сергеевич Пупков. Сын мелкого советского чиновника и лаборантки, Сережа ничем не выделялся среди своих сверстников, разве что был более послушен, меньше играл в детские игры и все старался сделать, как говорят взрослые, из стремления понравиться. В школе одноклассники его не любили именно за желание понравиться учителю, не то чтобы это было плохое качество, но, не имея ярких способностей к познанию, Сергей стремился понравиться тем, что все рассказывал учителю, а по-простому – ябедничал, за что и имел гарантированную тройку. Конечно, за свое ябедничество он часто получал подзатыльники и презрительные клички. Все это способствовало тому, что он стал вести замкнутый образ жизни. Спортом он

не любил заниматься, да и на занятия по физкультуре по возможности старался не ходить, боясь открытой борьбы и проигрыша. В школе же он вступил в комсомол, но секретарем комсомольской организации не стал, хотя в душе и мечтал. Его просто не выбрали, так как дети лучше видят, что представляют собой их сверстники, и их труднее обмануть пустыми фразами и обещаниями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.